

Юлий
БУРКИН

Просто
НАСЫПАНО

Юлий Буркин
Просто насыпано

«Автор»

2005

Буркин Ю.

Просто насыпано / Ю. Буркин — «Автор», 2005

Писатель и музыкант Юлий Буркин рассказывает о неожиданных, смешных, а порой и удивительных ситуациях из своей (и не только своей) жизни. Его героями порой выступают такие знаменитости, как Андрей Макаревич, Гарри Гаррисон, Сергей Лукьяненко, Михаил Боярский... Но его истории и о людях не столь известных, и о самом себе не менее увлекательны. В книге присутствует нецензурная брань!

© Буркин Ю., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Предвкушение	6
Гениальный роман	7
Тонкое искусство знакомства со звездами	8
Правильная Лера	10
Отец-монстр	11
Сила слова	12
Заколдованная песня	14
Тяжела и неказиста...	15
Новая арифметика	17
Для красивого сюрприза нужна большая подготовка	18
Такая корова нужна самому	20
Амнезия	23
Развесистая зеленка	25
Логично	27
Имитация полета	28
Матрос-спасатель	30
Поэзия	32
Обидеть человека просто. А не надо	35
Камыш и дельфины	36
А каково было людям в 37-м?	38
Генетический уровень продажности	40
Резонанс	41
Черепахи и гелиотропы	43
Баллада о пожилом зайце	46
Данилыч+	47
Находчивый Корсун	50
Боярский + Абдулов = хрень какая-то...	51
Война – сестра печали	53
Чёрт знает, что происходит...	54
В подкорке	55
Ах, какая женщина...	56
Святому – святое	57
«Yesterday» согнутая под прямым углом, свисающая со стола	58
Удачные фамилии	59
Всё из будущего	60
Сверчковая атака Кремля	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Юлий Буркин

Просто насыпано, или

Записки дикого томича

...Только в тот период моей жизни, когда в ней была Элька, всё как-то связывалось воедино, нанизывалось на общую нить. А до и после – просто насыпано. Это факт. Он никак не умаляет прелести нынешней жизни. Но это факт.

Юлий Буркин, «Королева белых слоников, бабочка и василиск»

Предвкушение

Когда мне было года три, я нашел в кладовке нашего дома мешок с сухофруктами. Стал жевать. Вкус не фруктовый. Потом я узнал, что это были сушеные грибы. Этот вкус так впечатался в моё сознание, что и сейчас, стоит пожевать кусочек сушеного гриба, возникает ощущение детства.

Еще помню, я был уверен, точнее чувствовал, что наша кошка – заколдованная принцесса. Но подобные воспоминания, наверное, есть у всех, и ничего уникального в них нет. Детство помнится в основном именно ощущениями, а не фактами. Факты появляются позже.

Школа, музучилище (фагот), армия, университет, свадьба, дети... Работал в газете, писал фантастику, сочинял песни, катался на фестивалях, выступал с концертами... И ото всех этих периодов жизни в памяти остались какие-нибудь инфантильно-смешные или удивительные воспоминания. Вот их-то я и насыпал тут одной большой кучей.

Добро пожаловать на свалку моей души.

Гениальный роман

Эту историю мне рассказал мой друг, московский писатель Антон «Ант Скаландис» Молчанов¹.

«Как-то раз я был в одном издательстве. Там у меня редактор знакомый. Вот, захожу я, а он возится с какой-то толстой рукописью. Только мы начали разговор, как его куда-то позвали. От нечего делать я полюбозыгривал, как называется редактируемый им роман. И аж вспотел, увидев. На первой странице было четко напечатано: “365 ЖОП”.

Я вернул папку на стол и задумался. Представлял персонажей, представлял коллизии сюжета. Особенно, учитывая количество дней в году, цепляло, что выходило ровно по одной жопе на день. Я уже завидовал, что сам не написал этот смелый текст. О том, что он должен стать бестселлером, я не сомневался. Но засомневался, верную ли профессию я выбрал, если нет у меня той смелости...

Когда пришел товарищ, я осторожно спросил, показывая на рукопись:

– Пелевин?

– Что? – не понял он.

– Автор – Пелевин?

– Да ты что, – махнул тот рукой, – какая-то заунывная фэнтезятина...

– Но название-то крутое.

– Название? Да обычное, что-то там про мечи и магию...

Тут он проследил за моим взглядом и с хохотом стал мне объяснять. Оказывается, это была не обложка романа, а формуляр для внутреннего пользования. Оказывается, у них в издательстве рукописи, направляемые на редактуру, обозначаются тремя произвольными цифрами и тремя буквами, например, «218 ББЛ» или «412 АМР»... А тут просто цифры и буквы удачно сложились.

Но я задумался».

¹ Больше всего из его книг люблю роман «Катализ». Рекомендую.

Тонкое искусство знакомства со звездами

На фестиваль фантастики «Интерпресскон-99» я приехал на костылях. Ногоу сломал. Левая нога была в гипсе от паха до пятки. Может при таких обстоятельствах я и не поехал бы, если б не известие, что туда прилетит Гарри Харрисон – звезда американской фантастики и на тот момент один из моих любимых писателей. Его «Неукротимую планету» я в детстве прочитал раз, наверное, десять.

Добраться до Питера на костылях, когда самостоятельно не можешь даже обуться или сходить туалет, дело непростое. Но меня взялся сопровождать добрейший соавтор Костя Фадеев. Бедняга. Помню, как-то утром, проснувшись в поезде, я сказал: «Пора вставать», и Костя, бормоча: «Ненавижу носки», полез под полку-кровать...

Так вот, я приехал на костылях. Оказалось, это очень вредно для здоровья. Потому что каждый приходит к тебе в комнату и настаивает на том, что ты должен с ним выпить. Делают они это из сочувствия и искренней симпатии к тебе. Но ты никуда не можешь убежать. А они остаются у тебя в комнате, мало по малу скапливаются, пьют, курят и пишат цветными фломастерами на твоём гипсе всякую ерунду.

Моя комната превратилась в главное тусовочное место. Я не спал всю ночь. Под утро, когда поток паломников к моим мощам, наконец, иссяк, я решил выйти на улицу подышать свежим воздухом, так как мой номер был насквозь прокурен.

На костылях я доковылял до лифта и спустился в фойе пансионата. И вижу там благообразного седого старичка с чемоданами и хорошенькой девушкой рядом с ним. Я сразу понял, что это Харрисон.

Я смело подошел к ним и, ткнув старичку в грудь пальцем, сообщил:

– Ю ар Харри Харрисон!

– Йез, – соглашается старичок, – ай эм.

Я указал на девушку и заявил:

– Ю ар хиз дотэ.

– Нет, – отвечает она на чистейшем русском языке, – я переводчица.

– Прекрасно! – обрадовался я. – Переведите тогда ему, пожалуйста, что вот я, первый человек, которого он тут повстречал, человек с целнозагипсованной ногой и на костылях, пьяный и с безумными глазами, торжественно заявляю: он – один из моих любимых писателей детства.

Девушка перевела, Харрисон пролопотал что-то благодарственно-вежливое, и тогда я решил форснуть и поблагодарить его на его родном языке. Сделав это, я окончательно смутился и вышел-таки из фойе на улицу. Сердчишко от волнения сильно стучало, и я даже закурил.

За мной вышла и девушка-переводчица. Тоже закурила. Потом спросила:

– Как вы думаете, ваш английский безупречен?

– Отнюдь, – признался я.

– А вы вообще учили его когда-нибудь?

– Ну, как сказать, – ответил я уклончиво, – в школе, в университете...

– То есть, вы не знаете его.

– Совсем не знаю, – признался я наконец.

– А фильмы американские часто смотрите, – продолжила она скорее утвердительно, нежели вопросительно.

– Бывает, – подтвердил я, не понимая, к чему она клонит.

– Вот-вот, – покачала она головой. – То-то вы вместо «сэнк ю» «фак ю» говорите...

* * *

Что?! Как?! «Ты был моим любимым писателем... Фак ю...»

Я хотел, было, срочно ковылять к нему с извинениями, но переводчица остановила меня:

– Дайте старичку поспать, он устал, завтра извинитесь.

Наутро я, конечно, извинился, и мы даже выпили «мировую». Гаррисон оказался веселым и прекраснодушным человеком и постоянно повторял: «Вы – русские – не умеете писать фантастику, зато делаете отличную водку. Давайте поделим функции: я буду писать фантастику, а вы делать мне водку...»

Но и на этом история не закончилась. Спустя несколько лет я приехал в Киев на фестиваль «Киевкон». Кто-то мне сказал, что на него приехал и Гаррисон: зачастил он к нам – хорошо встречают. И что сидит он в гостях у писателя Сергея Слюсаренко. Серезу я давно знаю, уточнил адрес и отправился к нему, размышляя, вспомнит ли Гаррисон непутевого «питерского» инвалида.

Подъезд и квартира были открыты нараспашку. Я заглянул в гостиную. Там стоял длинный стол, за которым бухало человек двадцать фантастов и фэнов. Гаррисон сидел во главе стола.

Я вошел в комнату. Увидев меня, Гаррисон вскочил с кресла и побежал мне навстречу с радостным криком: «Фак ю! Фак ю!»

Вот так-то ребята. Надо уметь знакомиться со звездами так, чтобы тебя запомнили.

Правильная Лера

Я приехал на ассамблею фантастики «Странник» и сразу заметил среди участников очень интересную девушку в очках. Ну, прямо, очень. А я в тот момент был уже и ещё холост и мог себе позволить многое. Спросил у известного фэна, критика, а ныне и сценариста Байкалова:

– Дима, кто это?

Он сказал:

– Это Лера. Она уже не раз на конвентах бывала. Но глаз на нее не клади, бесполезно. К ней многие клинья подбивали, но безрезультатно. То ли она такая правильная, то ли дала обет ни с кем из Фэндомы не спать.

Потом приехал Антон Молчанов. Заметил Леру и спросил у меня, кто это. Я ответил:

– Это, Антоша, Правильная Лера. Но глаз на нее не клади. Байкалов не велел. Говорит, она дала обет ни с кем из Фэндомы не спать.

Обет или не обет... В любом случае приятнее проводить время в компании красивой девушки, чем непрерывно тусоваться с несвежими фантастами. Так что я познакомился с ней и мы как-то сразу сдружились.

Характер у нее оказался прекрасный, и собеседницей она была интереснейшей да к тому же еще и выяснилось, что по образованию она – коллега-филолог.

На второй день знакомства, сидя в баре за столиком, мы разговорились о пристрастиях в литературе и обнаружили поразительное совпадение вкусов. Нам не только нравились одни и те же авторы, но у этих авторов мы выделяли одни и те же любимые произведения. У меня любимый роман Хемингуэя «Иметь, не иметь» и у нее – «Иметь, не иметь». Я не менее высоко чем «Мастера и Маргариту» ставлю у Булгакова «Театральный роман», и она также. У меня любимая повесть Стругацких «Малыш» и у неё...

Нам обоим стало казаться, что так не бывает, что кто-то из нас подыгрывает, а может и мы оба. Чтобы это проверить, я предложил:

– Давай, так. Я пишу на бумажке название своего любимого рассказа Сэлинджера. Именно рассказа, а не «Над пропастью во ржи». Кладу бумажку вот сюда, под скатерть. Потом ты называешь свой у него любимый рассказ. И сверяемся.

– И что будет если совпадет? – спросила она, потягивая через соломинку ликёр.

Тут на меня снизошло озарение, и я заявил:

– Если совпадает, идем трахаться.

Лера поперхнулась, откашлялась, поправила очки и уточнила:

– А если не совпадет?

– Тогда не идем, – ничуть не колеблясь, ответил я.

Лера помолчала. Потом сказала задумчиво:

– Ставки высоки. Но и азарт не меньший. А вероятность совпадения достаточно низкая, ведь рассказов у Сэлинджера не так уж мало, и они все хороши. Валяй, пиши, – махнула она рукой.

Я написал. Спрятал. Лера сказала:

– «Голубой период Домье Смита».

У меня ёкнуло сердце. Я достал бумажку. На ней было написано: «Голубой период Домье Смита».

– Вот мой билет, – сказал я, протянув бумажку Лере.

Отец-монстр

Мои старшие сыновья были тогда еще совсем маленькие: Стасу – три, Косте – четыре. Сажу я как-то на кухне, почитываю книжечку, пью чай. Дети, слышу, возятся в соседней комнате. Потом слышу, Стас разревелся. Ну, это дело обычное. Тут он, зареванный, входит в комнату и жалуется:

– Папа, меня Коська дерет (это значит бьет).

Я, не отвлекаясь от книжки, отвечаю:

– А ты сдачи дай.

Стас продолжает:

– Он меня на кресло загнал, там гвоздь, я поцарапался...

Было у нас такое древнее, бабушкино ещё, кресло, чиненное-перечиненное. Я мудро советую:

– А ты возьми молоток и забей.

Стас перестает плакать и удивленно спрашивает:

– А можно?

– Конечно можно, – отвечаю я.

Стас удаляется.

Через пару минут в комнате с видом идущей на заклятие жертвы появляется Костя. Позади него движется Стас с поднятым над головой молотком и сообщает:

– Папа, а он убегает.

И тут до меня доходит, что «забить» он собирается не гвоздь, а своего старшего брата.

Я в ужасе. Я кричу:

– Положи молоток на место!!!

И тут слышу полный обиды голос Кости:

– Папа, а я слышал, как ты разрешил...

Представляете, что пережил бедный ребенок, когда его папаша разрешил «забить» его молотком? Я до сих пор радуюсь, что он оказался не самым послушным в мире ребенком, и не стал смиренно дожидаться своей участи.

Сила слова

Начало девяностых. Проездом на какой-то фестиваль я оказался в Москве, и с Сергеем Лукьяненко мы приехали в гости к нашему приятелю и издателю Олегу Пуле. Тот работал в издательстве «Аргус», которое первым решило выпустить наш «Остров Русь», и явились мы с намерением это обмыть.

С Пулей мы дружили и любили его всячески подкалывать. Ну, например: «Олег, ты слышал, в Питере появился новый издатель? Его фамилия Штык. Так он, говорят, большой молодец...»

Его квартира, находящаяся в Мытищах на станции Перловка, которую мы, конечно же, называли «Пёрловка», была «квартирой контрастов». К примеру, она была оснащена дверью, похожей на дверь сейфа с безумной надежности сверхтехнологичным замком. Но вместо звонка из стены торчало два проводка, которые, чтобы позвонить, нужно было взять за изоляцию и замкнуть...

Итак, мы приехали к Олегу обмыть наш договор. Пили какое-то вино, ели пельмени с различными соусами, которые Олег чуть ли не коллекционировал, болтали о фантастике. Стояло лето, было жарко, и в какой-то момент я захотел выйти на улицу подышать.

Вышел. Возле дома у Олега раскинулся летний рынок. И тут я вижу – что за диво?! – через рынок стройными рядами движутся сотни юных дев. Позднее я узнал, что в Пёрловке находится общежитие пищевого технологического института, и я оказался на улице как раз в момент прибытия на станцию электрички, в которой студентки возвращаются с занятий.

Это было достойное зрелище. Прикрывая от солнца глаза, я козырьком приложил ко лбу руку. Я ощущал себя главой девичьего государства на трибуне демонстрации и был уже готов толкнуть речь, когда почувствовал вдруг, что кто-то подхватил меня под руки. Обернулся туда-сюда. Слева и справа от меня стояли и крепко держали меня два огромных детины с откровенно бандитскими рожами.

– В чем дело? – испугался я.

– Ты чего это наших девок разглядываешь? – спросил один из них.

– Извините ребята, – стал оправдываться я, – я не знал, что они ваши.

– Рынок наш, значит и девки наши, – резонно объяснил мне второй.

– Понял, – согласился я. – Я тогда пойду?

– Ага, – усмехнулся бандит. – Пойдешь. С нами.

И они куда-то меня поволокли.

– Ребята, – испугался я, – а вы меня будете убивать или грабить?

– А у тебя есть что взять? – обрадовались они.

– Не-ет, – заверил я, хотя в кармане у меня и лежал аванс – баксов семьсот, по-моему.

– А ты кто, вообще, такой? – потребовали они отчёта.

– Писатель, – отозвался я.

– Писатель?! – изумились они. – Чем докажешь?

Надо же, именно для этой поездки я сделал себе несколько визиток, хотя обычно их у меня нет.

– Стойте, сейчас покажу.

Я достал из кармана визитки. Они прочли: «Писатель-фантаст».

– Класс! – обрадовались они еще сильнее. – Фантаст! Писатель! С писателем мы еще не пили.

Они завели меня в один из рыночных ларьков. К тому моменту я уже понял, что они из банды, которая «крышует» рынок. Перепуганный хозяин ларька быстро накрыл на стол, выставив водку, шашлыки и свежие овощи.

– Ребята, меня друзья ждут, – попытался отвертеться я.

– Мы тебя отпустим, – отвечали «ребята». – Но не сразу. Раз писатель, должен уметь анекдоты рассказывать. Расскажи десять, и чтобы мы их раньше не слышали, и чтобы смешные, тогда отпустим.

Я рассказал им один, и они долго хохотали.

Выпили.

Еще анекдот.

Выпили. Это была не та ситуация, чтобы отказываться.

Еще рассказал, еще выпили. Еще, еще...

Покончив с заданным десятком, я взмолился:

– Ну, ребята, ну отпустите, меня друзья ждут! Вы обещали!

И они отпустили меня. Помню, сказали еще, что с писателем им пить понравилось.

Я добрался до квартиры Пули. Хотел позвонить, но неправильно взялся за проводки, и меня шарахнуло током. Осерчав, я стал бить в дверь ногой. Сейф открылся, я упал в него и отключился.

Сергей и Олег решили, что я, будучи редкостным мудаком, о чем они раньше не догадывались, вышел на улицу, быстро купил бутылку водки и жадно выпил ее из горла. А как еще можно было объяснить, что из квартиры я вышел почти трезвым, а вернулся через полчаса – никакущий?

Сам же я, проснувшись утром, почти ничего не помнил. Память восстановилась позже. А тогда первой мыслью было, что меня напоили и ограбили. Проверил. Деньги были на месте.

Все-таки уважает наш народ литературу. В девяностые, во всяком случае, еще уважал.

Заколдованная песня

У меня есть песня, называется «Лиловый цветы». Лиричная и психологически непростая. И там, в рефрене, есть такие слова:

«... Не мешай мне быть собою,
Люби мой страх.
Я хочу, хоть я не стою,
Войти в твой сад,
А сад в цветах...»

Однажды после концерта ко мне подошла молодая женщина и, смущаясь, сказала:

– Юлий, мне так понравились ваши песни! И слова, и музыка, и то как вы поете... Но есть в вашем репертуаре одна песня... Она недостойна вашего таланта.

– Что за песня? – удивился я. – Почему недостойна?

– Ну... В ней еще слова такие есть... Неприличные.

– Какие неприличные? – еще сильнее удивился я. – Вроде бы, нецензурной лексики в моих песнях нет.

– Ну, они не то чтобы нецензурные, но неприличные.

– И что это за песня? – снова спросил я. Я был заинтригован.

– Юлий, я не знаю, как она называется.

– Ну, хотя бы, про что она?

– Понимаете, Юлий, я, к сожалению, только эти слова и запомнила...

– Ну так скажите мне их.

– Ну что вы, Юлий, – залилась румянцем женщина. – Я не могу, мне неудобно.

– Нас никто не услышит, – заверил я ее. – А я их уже точно слышал, раз пою.

– Ну, хорошо, – она огляделась по сторонам, и вполголоса произнесла: – «Я хочу, хоть я не стою, войти в твой зад, а зад в цветах». Знаете, я тоже не люблю эти татуировки, но это всё-таки уже слишком...

– Там поется «сад», – разъяснил я ей. – Сад в цветах. Понимаете?

– Ой, простите, простите, – всплеснула она руками и поспешно меня покинула.

* * *

Ладно бы, если бы на этом всё и закончилось. Но буквально через пару месяцев мы с великолепным питерским флейтистом Егором Мажугой в его домашней студии записывали акустический альбом, и именно после этой песни к нам заглянула жена Егора:

– Что это за ерунду вы поете? Почему у вас ссат в цветах?

– У нас сад, милая, – меланхолично ответил Егор. – А то, что у тебя – то ссут, дура ты нерусская.

С тех пор, когда я пою эту, да и не только эту, песню, я очень тщательно выговариваю слова. А то ведь фиг его знает, что вообще люди слышат на моих концертах. Одна подошла, но кто-то ведь не подходит. Слышит, а не подходит.

Тяжела и неказиста...

Как-то раз меня пригласили сыграть три песни на студенческой дискотеке. Точнее даже не сыграть, а выступить «под плюс», то есть, под собственную фонограмму покривляться с гитарой перед микрофоном. Клуб был недостаточно хорошо оснащен для живых выступлений, но организаторам хотелось как-то разнообразить программу, чередуя сеты ди-джея такими вот «полуживыми» номерами.

Выступать под фанеру – не самое, конечно, достойное дело, но, во-первых, не я это предложил, я-то лучше пел бы живую, а во-вторых, они неплохо платили.

Мне сказали подойти к одиннадцати вечера, но, когда я пришел, что-то у них изменилось, и меня поставили на час ночи.

Я не знал, чем там с одиннадцати до часа заниматься, и под грохот дискотеки от нечего делать то бродил по фойе, то заходил в буфет и что-нибудь пил-ел. Ну, и, наверное, съел что-то не то. За пятнадцать минут до выхода на сцену у меня прихватило живот.

Танцзал был на втором этаже, а туалеты – на первом. Но я решил, что успею. Да, собственно, у меня и выбора не было. На всякий случай я сунул в карман пару салфеток (всё помещение было такое обшарпанное, что я не удивился бы отсутствию туалетной бумаги) и побежал вниз.

Подхожу к двери сортира, дёргаю ручку... Заперто. Тут ко мне подходит женщина-администратор и, перекивая грохот музыки, объясняет:

– Мы летом на время дискотеки туалет запираем, а то студенты напачкают там. Утром тут столовая, все должно быть чисто, а техничка с вечера убирает, уже не придет.

– А как тогда?.. Если захочется... – удивляюсь я.

– Студенты на улицу бегают, в кусты, – кричит она. – Но вам, как артисту, я открою. Вам десять минут хватит?

Я киваю, что, мол, да, хватит, конечно. Кричу:

– Спасибо!

– Я вас снаружи запру, – кричит она, – а через десять минут открою! Вам хватит времени?

– Да! Хорошо! – кричу я.

Она открывает, я захожу. Дверь закрывается... И я оказываюсь в крошечной темноте. То есть, в абсолютной, хоть глаз выколи. И я не знаю, где выключатель. А мне уже совсем невтерпеж.

Но я держусь. Я начинаю шарить руками по стенам возле двери, но ничего не нахожу. Может быть, выключатель вообще снаружи? Я колочу в дверь, чтобы меня открыли, но бесполезно. Ведь там гремит музыка, а администратор, скорее всего, от двери отошла и вернется только через десять, точнее, уже минут через семь.

Все что я успел заметить, когда входил, что туалет большой. А вот где там унитазы или, там, кабинки, или что еще – этого я засечь не успел.

Когда администраторша откроет дверь, мне нужно будет бежать на сцену... Но если я буду тут во тьме заниматься исследованиями и искать унитаз наощупь, я просто наделаю в штаны...

Как же быть? И я поступил так, как нашел единственно возможным: упал на четвереньки, отполз на несколько шагов от двери, четко вперед, чтобы её не потерять, поднялся, развернулся на сто восемьдесят градусов, стянул штаны и, приняв соответствующую позу, покакал.

Больше всего в тот момент я боялся, что тётенька застанет меня прямо в процессе. Быстренько поднялся, привёл в порядок брюки и вернулся к двери. И как раз вовремя – она открылась.

Я выскочил из туалета и помчался вверх по лестнице. Когда протолкался к сцене, на меня зашипели: «Где ты лазишь! Твой выход! Быстрее, ставим фонограмму!» Я схватил гитару вылетел на сцену и отбарабанил три свои песни.

Как сейчас помню, это были «Ё-моё», «Королева белых слоников» и медляк «Танцуй со мной», который я объявил белым танцем.

Сорвав аплодисменты после каждой песни, я спустился со сцены, тут же получил свой гонорар и под грохот дискотеки совершенно счастливый пошёл вниз к выходу.

Я и думать забыл о предшествующем выступлению инциденте, и, выходя, приветливо кивнул стоящей у двери женщине-администратору. А она наклонилась и сказала мне на ухо укоризненно:

– А ещё артист...

Я представил, как, выпустив меня, она зашла в туалет и обнаружила там полную цинизма картину... И это после того, как она жаловалась мне на нечистоплотных студентов и проявила ко мне особое уважение... Но я понял, что не смогу ей сейчас что-то внятно объяснить. И просто поспешно удалился.

Новая арифметика

Сыну Косте было лет восемь. Делает уроки, я сижу рядом. Выполняя действия, он проговаривает их вслух. Он уже подглядел ответ и знает, что должно получиться «28 пассажиров». Поэтому, его комментарий выглядит так:

– Первое действие. От десяти мы отнимаем три и получаем семь. Во втором действии семь умножаем на три и получаем двадцать один. В третьем действии к двадцати одному прибавляем пять, получаем двадцать шесть, но мы скажем, что двадцать восемь. Итого: двадцать восемь пассажиров осталось в автобусе... – и все это произносится спокойным, ровным голосом, как будто так всё всегда и делается...

Я просто обалдел, услышав это и увидев последнее равенство: $21 + 5 = 28$ (пас.).

Сперва я хотел пристыдить его за жульничество. Но потом прозрел и сказал:

– Костя! Ты совершил гениальное изобретение. Ты изобрел новое арифметическое действие, под названием «но мы скажем». Есть сложение, вычитание, умножение и деление, а теперь будет еще и – «но мы скажем». С помощью этого действия мы спасем всю советскую экономику.

Например. В колхозе десять доярок. Каждая из них в день надаивает по десять литров молока. Десять умножить на десять, будет сто, но мы скажем, что триста... И все в порядке!

Мы здорово посмеялись тогда, и Костя даже придумал для нового арифметического действия какой-то специальный значок. Возможно, он даже получил бы государственную премию, но тут грянула перестройка.

Впрочем, сдается мне, что грянула она как раз оттого, что это арифметическое действие уже давно использовалось в советской экономике.

Для красивого сюрприза нужна большая подготовка

Приятно сознавать, что идиотские истории происходят не только с тобой. Есть у меня однокурсник, назовем его «Андрей Б.», который, несмотря на филологическое образование, некоторое время был директором птицефабрики. И вот однажды в тот период ему зачем-то понадобилось двадцать четвертого февраля быть в Новосибирске.

Двадцать третьего он отпраздновал «мужской день» и поздно вечером на его огромном джипе они с водителем выехали. Андрей, слегка выпивший, прикрывшись пледом, завалился на заднем сиденье спать – в спортивных штанах, в олимпийке и в сланцах. С водителем договорились, что, если тот устанет, он может остановиться где угодно на обочине и тоже до утра поспать.

Вот едут они, едут, вдруг, возле какой-то деревни, что-то случилось с движком, звук какой-то странный появился. Водила вышел, капот открыл и влез под него с головой – ремонтировать. А шеф проснулся, тоже из машины выполз и присел позади неё по нужде. Температура на улице – минус двадцать примерно.

Тут водила осмотр закончил, капот закрыл, сел в машину и укатил. А Андрей остался сидеть на дороге со спущенными спортивными штанами, в олимпийке и в сланцах...

Хорошо еще, ума ему хватило машину на дороге не дожидаться, и хорошо, что случилось это недалеко от жилья. Андрей помчался к ближайшему огоньку. Подбегает, стучит в окно. Окно распахивается, из него высовывается ствол ружья, и мужской голос очень веско говорит: – Пшёл вон отсюда. Слово скажешь – пристрелю.

Проверить говорившего на слабо Андрей не стал и кинулся к другой хате. Забегает на порог, дверь за ручку дергает, а она – открыта. Он – в сени, потом – внутрь... Там – девчушка лет семи.

– Дяденька! – кричит испуганно, – к нам нельзя, скоро мама придет!

Тот ее успокаивает:

– Ты меня девочка не бойся, я не бандит, я вот тут у окошка посижу, на дорогу посмотрю, за мной машина должна приехать...

А водила, тем временем, ехал, ехал, спать захотел, остановился на обочине, двери единым замком задрал и завалился на переднем сиденье спать. И проспал до семи утра.

Проснулся, пора, думает, ехать. Надо бы и шефа разбудить, скоро город. Перевешивается через спинку... А шефа нет. А двери задрены изнутри... И тогда он понимает, что мог посеять шефа только когда движок смотрел. Другой возможности не было. Разворачивается и – на то место.

А Андрей тем временем сидел у окна сельской избышки и ждал машину. Под утро пришла хозяйка, доярка, увидела в своем доме незнакомого полуодетого мужчину, испугалась, обозлилась, стала кричать:

– Ах вы, ханыги проклятые! Совсем уже обнаглели! Уже в дом без спросу вламываетесь!

Тот давай ее успокаивать:

– Я не ханыга, я нормальный человек, я вообще директор птицефабрики, я от машины отстал, так, мол, и так...

Убедил. Во всяком случае, успокоил. И за сланцы свои и олимпийку выменял у неё старые пимы и драную телогрейку. И побежал в таком виде в сельсовет, доярка ему рассказала, где это.

Прибежал туда, стал пытаться что-то объяснить, но работники сельсовета, недолго думая, вызвали милицию – пусть они разбираются. Там стали выяснять, что да как, созвонились с птицефабрикой и, наконец, удостоверились, что да, директор Андрей Б. выехал сегодня в коман-

дировку в Н-ск... Выходит, этот тип в драной телогрейке с перегаром изо рта – действительно тот, за кого себя выдает.

Вскоре вваливается в милицию шофер (а Андрей в соседней комнате сидит). Так, мол, и так, говорит, шефа своего тут потерял, не знаете ли, что с ним?

– А-а, – говорит милиционер, – это такой, в олимпийке и в штанах спортивных? С усиками?

– Да, да! – обрадовано кричит тот. – Это он!

– В шесть утра, – говорит мент, – оледеневший труп с такими приметам с дороги подняли...

Водила хватается за сердце и оседает на пол.

И тут из соседней комнаты выходит шеф:

– Сюрприз!

Такая корова нужна самому

Как-то летним вечером я пришел к моему университетскому другу Косте Попову, с которым мы тогда оба работали в газете «Молодой ленинец». Спустя полтора десятка лет его убил ментовский ублюдок, но тогда он был жив, здоров и даже холост.

Мы с ним немного выпили. Потом ещё немного. И ещё... И так мы пили несколько часов. Разомлев, я завел с ним такой житейский разговор:

– Костя, ты же классный парень: умный, красивый, на Басилашвили похож, только на молодого, и все у тебя есть. Что ж ты такой одинокий?..

– Да, я одинокий, – сокрушенно согласился со мной Костя.

– Слушай, – предложил я, – а давай, я тебя с кем-нибудь познакомлю. С какой-нибудь классной девчонкой.

– Давай, – обрадовался Костя.

Я открыл свою, как сейчас помню, ЭЛЕКТРОННУЮ записную книжку и стал читать фамилии знакомых девушек. Что-то про них коротенько рассказывал. Дошел до фамилии «Поцелуева».

– Стоп! – поднял руку Костя. – Классная фамилия. Я согласен.

И мы собрались и двинули к Инне Поцелуевой, девятнадцатилетней девушке, с которой я был едва знаком. Времени было часа три ночи. По дороге в ночном ларьке мы прикупили сухого вина. Бутылок пять.

Приперлись к Инне. Это был выходной, а я помнил, Инна говорила мне, что летом в выходные мать у нее остаётся ночевать. Ещё она мне жаловалась, что ей приходится копать там грядки.

Позвонили.

– Кто там?! – раздался из-за двери её низкий хриловатый голос.

– Это Юлий, – ответил я.

– Юлий, ты что, очумел?! – пробасила она. – Ты знаешь, который час?!

– Знаю, – признался я. – Но у меня уважительная причина. Я привел к тебе мужчину по имени Константин. Возможно, это главный мужчина твоей жизни. Я хочу, чтобы вы познакомились, а в последствии – поженились.

Инна была явно заинтригована.

– Подождите, сейчас оденусь, – сказала она немного помягче.

– Она раздета, – сообщил мне Костя значительно.

Инна открыла. Заспанная и всё-таки еще злая. Скептически осмотрела Костю. Тот смущенно улыбался.

– Ну ладно, проходите, – махнула она рукой.

Мы ввалились на кухню, стали пить втроем, а я стал рассказывать Инне, какой Костя славный малый, особенно нажимая на то, что он очень хорошо копает землю, что я видел своими глазами, когда мы студентами ездили на картошку. Я рассказывал о нём часа два. Потом еще около часа рассказывал Косте, какая славная дивчина Инна, опираясь единственно на визуальный ряд. И почти каждое мое замечание превращалось в тост.

– Согласись, Костя, Инна девушка изумительная, – закончил я наконец свою пылкую речь.

– Да, – согласился Костя, – факт... А где у неё туалет?

– Я не люблю, когда обо мне говорят в третьем лице, – сказала Инна. И указала рукой: – Туалет – вон.

Костя вышел. А я вдруг заявил:

– Слушай Инна, я вот про тебя Косте рассказываю, а сам думаю: зачем я его привел? Раз ты такая классная, я лучше сам на тебе женюсь, а?

– Ты это серьезно? – удивилась она.

– Конечно.

– А ты огород копать будешь?

– Конечно.

– И когда мы это сделаем?

– Да сейчас прямо. Мне только переодеться надо. И как раз загс откроется.

– А что мы скажем ему? – показала Инна на дверь туалета.

– А давай быстро уйдем, тогда ничего не придется говорить.

Мы вскочили и побежали к двери. Квартиру Инна заперла снаружи.

Костя потом рассказывал, что просто осатанел, когда вышел из сортира и обнаружил, что он в доме один да к тому же еще и заперт. Но высказать свое возмущение было некому, и он лег спать.

А мы с Инной пришли ко мне, я переоделся, и мы двинули в загс. Шли пешком, потому что было еще очень рано. По дороге мы обсуждали различные аспекты назревшей ситуации. Например, мы однозначно решили, что трахаться до свадьбы не будем. Мы решили, что у нас всё должно быть по-особенному, возвышенно.

К загсу мы подошли к самому открытию, но оказалось, что нет тётеньки, которая принимает заявления, а есть только та, которая разводит. Так что заявление у нас не взяли. Но мы заплатили госпошлину и условились всем говорить, что заявление уже подали. Всё равно ведь подадим.

Вернулись к Инне домой. Разбудили Костю и сообщили ему о нашей помолвке.

– Эх ты, – укоризненно протянул он. – Тоже мне, познакомил, называется...

Потом мы три дня отмечали нашу помолвку. Но подать заявление почему-то так и не сходили. У меня раскалился телефон от поздравлений.

Третий день мы проводили с Инной в кафе «Фокус», где свой прощальный концерт играл Коля Федяев – он навсегда уезжал в Новую Зеландию.

Так как все Колины гости были и моими знакомыми, пили по двум поводам: Колин отъезд и наша с Инной помолвка, о которой Коля объявил со сцены. Все эти три дня мы были с ней неразлучны, что-то обсуждали, ходили в гости, даже целовались. Но не более. Тут вдруг я, в какой уже раз взглянув на нее, спросил, сам не знаю, почему:

– Слушай, Инна. Знаешь, о чем я подумал? Может, нам все-таки не жениться? А?

Инна, до того какая-то напряженная, сразу расслабилась и, облегченно вздохнув, сказала:

– Юля, как хорошо, что это ТЫ сказал! Я всё время об этом думаю. Ну, зачем нам жениться, нам же и так хорошо? Но боялась тебя обидеть.

Я сбегал к сцене, и Коля объявил о расторжении нашей помолвки. Был настоящий фурор. И весь последующий вечер мы праздновали счастливое расторжение помолвки.

Тут бы, по законам жанра, и остановится. Но не хочется. Потому что там было еще кое-что интересное. Спустя какое-то время, Инна спросила:

– Слушай, а почему ты все-таки передумал?

– Ну... Инна ты очень классная, но... – принялся мямлить я. – Как бы тебе сказать...

Немного не в моем вкусе, что ли...

– Да? – спросила Инна мрачно. – А кто в твоём вкусе?

Я огляделся и увидел девушку абсолютно в моем вкусе.

– Вот, – показал я на девушку, – вот она.

– Да? – еще мрачнее спросила Инна. – Ну, так иди и пригласи ее на танец.

А это хорошая идея, – подумал я. Федяев как раз заиграл свой коронный «Блюз созерцания», я набрался храбрости и девушку пригласил. Это была Наташа Рудая, дочь профессора Алексея Рудова.

Тогда она была еще студенткой. И с того дня мы продружили с ней несколько лет. Но, блин, тоже сугубо платонически. Что меня бесит до сих пор.

Амнезия

Помните в «Карлсоне» мама говорит Малышу: «Любой спор можно решить без драки». А он отвечает: «Нет, не любой». «Ну приведи пример такого спора, который нельзя было бы разрешить без драки», предлагает она, уверенная, что ему это не удастся. «Да пожалуйста, – пожимает плечами Малыш. – Сегодня Кристен говорит мне: «Спорим, Малыш, я тебя вздую!», а я говорю ему: «Спорим, нет!»

Если вам кажется, что любую историю можно рассказать, не используя ненормативную лексику, то уверяю вас, это не так. Я бы и рад, но есть такие истории, которые без нее просто обесмыслятся. Сейчас будет как раз такая. Так что если вы не приемлете крепких выражений, то лучше сразу прекратите чтение. Ну, а если не прекратите, то все претензии – не ко мне, а к собственному любопытству.

* * *

На самом же деле это история о невероятной терпимости и такте. Не моих, конечно.

В Томск приехал француз по имени Бертран Ляввор. Приехал он по научным делам, связанным с атомной энергетикой, но тут познакомился с музыкантами, стал репетировать с ними и даже дал пару концертов в клубе «Ку-ку-шка», исполняя современный французский шансон.

Я побывал на его концерте, пение его мне очень понравилось, и я решил сделать с ним интервью для газеты, в которой тогда работал. Он прекрасно владеет русским, я остался после концерта, и мы поговорили.

А потом я попал на какую-то пьянку, и дома появился часа в четыре утра.

Просыпаюсь, вижу на столе записку сына Стаса: «Папа, тебе звонил француз Бертран, просил, чтобы ты позвонил ему». И номер. Набираю.

– Алло, это Бертран?

– Да-да, это он.

– Это вас беспокоит Юлий Буркин. Я брал у вас вчера интервью, домой вернулся поздно, а сейчас увидел на столе записку, что нужно вам позвонить...

– Ви мне уже звонить.

– Когда?!

– Ночью.

Та-ак... Я слегка смущен. Но работа есть работа.

– Бертран, извините, пожалуйста, но вчера я был немного пьян...

– Я замечать.

Хм-м...

– И, понимаете, я не помню, что вы мне говорили, не могли бы вы мне это повторить?

– Хорошье. Я говорить, что кое-что из того, что я вам вчера говорил, опубликовать не стоит. Атомная энергетика, это такой непростой вопрос... Если до моего начальства дойдет всё то, что я вам вчера сказать, меня больше никогда не пустить в Россия...

– Да понятно, понятно, – говорю я. – Конечно, я уберу из беседы всё, что вы считаете нужным!

Он поблагодарил меня заранее и перечислил все «опасные» моменты нашего вчерашнего разговора. Прилежно записав его пожелания, я вышел из своей спальни и спросил Стаса:

– Слушай, ты не слышал, я вчера звонил кому-нибудь, когда пришел?

– Ещё бы. Конечно, слышал. Ты этого француза часа полтора грузил. Орал: «Бертран! Не ссы! Да всё будет заебись! Да ни не бойся ты ни хуя! Да что вы, французы, все такие ссыкуны?!» Ну, и так далее. И дико хохотал при этом...

Вот так. А ведь он ни словом не обмолвился ни о чем таком, когда я позвонил ему во второй раз. Не правда ли, выдержка достойная уважения?

Развесистая зеленка

После первого курса университета я явился на практику в районную газету «Правда Ильича».

– Вот и славно, – пожав мне руку, сказал редактор, – садись в машину, будешь делать интервью с пастухом.

– С каким пастухом?! – запаниковал я. – Я же ничего в коровах не понимаю!

– А хули в них понимать, в коровах? – ответил редактор. – Вот езжай и учись.

И я поехал.

Пастух курил на скамеечке, коровы бродили вокруг.

– Здравствуйте, – сказал я. – Я корреспондент газеты «Правда Ильича».

– Здравствуйте, – кивнул пастух и выкинул окурок.

– Скажите, вот тут коровы... Питаются...

– Ну?

– А что они пьют? – спросил я, чувствуя себя полным идиотом. Видимо пастух почувствовал про меня то же самое. Он ответил:

– Воду.

– А где вы ее берете? – спросил я, чуть не плача.

– Из города привозят, – ответил пастух уверенно.

– Бесперебойно? – поинтересовался я, слегка воодушевляясь.

– Кого там! – скривился пастух. – Еще с какими перебоями! Жара стоит, коровы маются от жажды, а воды нету и нету!..

Обрадованный «наличием проблемы», ведь нас учили, что проблема – основа журналистики, я все это скоренько записал в блокнот и продолжил «расследование»:

– А еще какие у вас есть трудности?

– Зеленки нет совсем, – драматично вздохнул пастух.

– Понятно! – кивнул я, как мог деловито, и отметил названный факт в блокноте. Затем, решившись блеснуть знанием единственного известного мне сельскохозяйственного термина, спросил: – А как, извините, травостой?

– Какой тут, на хуй, травостой, – горестно покачал головой пастух. – Травы нет совсем... Зато крапивы много. Крапивой коров и кормлю.

Всё. На этом наш предельно содержательный разговор закончился, я сел в машину и вернулся в редакцию. Там я принялся за материал. К вечеру он был готов. Я накатал полосу и утром вручил блестящую, как мне казалось, статью редактору. Тот начал читать...

– Ты что с ума сошел? – спросил он меня для начала. – Где это видано, чтобы коровам в деревню воду из города возили?

– А где же им воду брать? – усмехнулся я с чувством превосходства.

– В пизде! – рявкнул редактор. – В речке они воду берут! Где же еще? Ты с пастухом этим где разговаривал? На скамеечке, небось? Возле домика?

– Да, – признался я, несколько обескураженный.

– А шаг бы шагнул от скамеечки, заметил бы, что луг этот находится на берегу реки!

Я понял, что топографию своего района редактор знает в масштабе 1:1. А он продолжил чтение... И вздрогнул:

– А это что ещё такое? «Коровам не хватает зеленки, куда смотрит сельская аптека?!» Что такое зеленка, ты знаешь?

– Конечно знаю, – пожал я плечами. – Лекарство. Ею ранки мажут, лишай разные...

– Дурак ты! – рявкнул редактор. – Зеленка – это озимая рожь. Корм это!

Прочитав еще пару строк, он схватился за сердце и процитировал:

– «Передовой метод! Нет травы, кормим коров крапивой! Крапивы у нас навалом!» Да ты опизденел, что ли, публицист хуев?! Да нас с тобой обоих за это посадят! Ты знаешь, уёбок, что от крапивы молоко становится вредным для здоровья, ядовитым почти?! От такого молока подохнуть можно!

Я к этому моменту уже осознал, что пастух сразу, с первых слов разговора, понял, какой к нему приехал лопух... Я стоял перед редакторским столом красный, как рак...

Каково же было мое удивление, когда он, основательно мой материал почиркав и оставив в нем только общие бессмысленные фразы, отдал его в печать... Ну, нечем, нечем ему было заполнять свою газету.

Логично

Я, когда служил в армии, убедился, что не могу далеко бросать гранату. Ну, не получается у меня. А после армии, в университете, в конце обучения на военной кафедре мы проходили сборы, и там, после стрельбы из автомата и гранатомета нужно было сдавать норматив и по метанию гранаты. Вел этот экзамен майор Бирт. Хороший, веселый дядька, мы его уважали.

И вот, выдвинувшись на позицию с гранатой в руке, а гранаты, надо сказать, были боевые, я сказал ему:

– Товарищ майор, я служил в армии и точно знаю, что гранату плохо бросаю. Давайте, я не буду ее бросать.

– Не еби мне мозги, Буркин, – отозвался этот достойнейший джентльмен, – кидай.

– Товарищ майор...

– Кидай, говорю!

Ну, что делать? Я сдернул чеку и кинул. Граната отлетела метров на восемь. Наблюдая за ее полетом, Бирт быстро снял с головы каску и приложил ее к низу живота.

Рвануло. Оглушило. Слава богу, осколки никого из нас не задела.

– Буркин! Пять тебе, и иди на хуй! – рявкнул Бирт, возвращая каску на голову.

Не спеша отправиться по указанному адресу и рискуя быть посланным туда еще раз, я все-таки поинтересовался:

– Товарищ майор, а зачем вы каску сняли, мог же осколок в голову прилететь?

– Если в голову – помер бы, да и ладно, – объяснил майор. – А если бы яйца оторвало, как потом жить?

Имитация полета

Я купил машину. Старенький потрепанный «Форд-Сиерра» цвета «мурена». Купить-то я его купил, а вот ездить не умел, и мой коллега по газете «Всё для Вас» Коля Данцов вызвался меня обучать.

Первый урок решили провести вечером в лесу. Это было тем более удобно, что машина у меня стояла тогда в гараже, арендованном на самой окраине города.

Итак, в назначенное время мы встретились у гаража. Темнело. Коля оказался в дупель пьяным. Я сказал:

– Коля, ты – полный мудака. Как мы будем учиться, если ты – пьян?

Он ответил:

– За рулем-то ты будешь сидеть, а я буду сидеть справа и давать команды. Дорогу я эту знаю. Поехали, поехали!

Сдуру я согласился. Мы вывели машину из гаража и по грунтовке двинулись напрямиком в лес.

– Быстрее! – покрикивал Коля. – Газуй! Чего ты плетешься, как черепаха!

Было уже темно. С непривычки и от тряски я мало что разбирал впереди, хотя фары и были включены. Но, подстрекаемый Колей, все разгонялся и разгонялся.

И вдруг он заорал:

– Направо! Направо! Направо!

– Куда направо?! – перепугался я.

– Тут поворот! Направо!

И я повернул.

Позднее выяснилось, что поворот направо был метров на двадцать дальше, но разве я мог не выполнить приказ опытного водителя.

На скорости километров под восемьдесят мы въехали в чащу и запрыгали по кочкам. Перед носом машины, как в кино, замелькали деревья, и я, судорожно маневрируя, чудом избежал столкновения с ними. Я хотел остановиться, но со страху вместо тормоза давил на сцепление и газ. Машина взревывала и я, вновь пугаясь, отпускал педали...

Внезапно мы выскочили на открытое пространство, взлетели на какую-то насыпь и, как вкопанные, остановились. Машина заглохла. Тишина звенела.

– Ну, ты-ты-ты даешь... – сказал Коля. Хмель его как рукой сняло. Я не стал вдаваться в подробности, кто дает и что дает, кто прав, и кто виноват. Меня и самого трясло.

Мы вылезли из машины. При свете полной луны перед нами предстала чудовищная картина. Мы находились на железнодорожной насыпи, «Форд» стоял на брюхе поперек рельсов, а его передние и задние колеса висели в воздухе.

Мы переглянулись и, не стовариваясь, отошли в сторону. Журчание двух струек только подчеркивало тишину. И тут вдали послышался звук поезда.

– Пиздец, – сказал Коля, и я подумал, что он, пожалуй, прав.

Звук быстро приближался. Коля кинулся к машине ухватился за нее и стал пытаться столкнуть ее с насыпи...

– Помогай! – заорал он.

В панике я тоже схватился за бампер.

– Давай, давай! – кричал Коля. – Жми!!!

Если нам посчастливилось не убится, несясь на автомобиле по лесному бездорожью, то здесь мы чудом не заработали по грыже: «Форд» весил две с половиной тонны.

Звук поезда был уже совсем близко.

– Бесполезно! – закричал Коля. – Бежим на хрен!

Мы скатились с насыпи и, забежав поглубже в лес, обессиленные упали на мох.

– Машине пиздец, поезду пиздец, а нас посадят, – констатировал Коля.

Меня била дрожь.

Но ничего не произошло. Звук поезда стал удаляться. Мы поняли, что состав прошел по какому-то параллельному пути.

– Пронесло, – облегченно выдохнул Коля. – Пойдем, посмотрим, что можно сделать.

Мы вернулись на насыпь. Я достал из бардачка фонарик, чтобы тщательнее исследовать ситуацию. Первое, что я обнаружил, это что рельсы ржавые, все в коричневых наростах. Поезда по ним уже давно не ходят.

– А машине все-таки пиздец, – сказал Коля упрямо. Я видел, что ему почему-то очень нужно было, чтобы хоть чему-то пришел пиздец. Настроился.

Посоветовавшись, мы решили, что Коля останется сторожить автомобиль, а я отправлюсь за буксиром в город.

Где-то час я шел по лесу. Вышел из него и побрел по городской окраине. Еще через час наткнулся на трактор с вращающейся щеткой. Уговорил тракториста помочь. Дал денег. Поехали в лес.

Когда мы подъезжали к нужному месту, тракторист все не верил, что свернуть направо нужно именно там, где я показывал. Он остановил трактор, и мы пошли пешком. Уже светало, и я заметил несколько поломанных молодых березок.

Наконец мы добрались. Тракторист посмотрел на машину, на прыгающего вокруг нее счастливого Колю и спросил:

– Вас что, с вертолета сюда скинули?

Последующие три месяца я спокойно учился на курсах вождения. Без Коли. А знакомый мастер реанимировал «Форд».

Матрос-спасатель

Однажды мой друг, москвич, назовем его Миша Быков, познакомился в питерском ресторане с девушкой Наташей. Шел фестиваль «Интерпресскон», мы жили в пансионате за городом, но в тот же вечер он выбрался в Питер, а потом привез девушку в пансионат.

Наташа была симпатичной приятной, она как-то сразу втусовалась в нашу компанию, пела с нами песни, пила вино и радовалась жизни. Потом они с Мишей на пару часов уединились, потом появились снова, и Мишка спросил, не составлю ли я ему компанию: он идет Наташу провожать. Я с удовольствием согласился, мы вышли на шоссе, посадили девушку на мотор и отправились обратно.

Неожиданно, двигаясь в пансионат, Миша стал хмурым и молчаливым.

– Что случилось? – осведомился я.

– Да-а... – неохотно протянул Миша. – Нехорошо получилось...

– Что нехорошо? – продолжал любопытствовать я.

– Понимаешь, – начал объяснять Миша, – я, когда женился, на следующий день после свадьбы по пьяни потерял обручальное кольцо. Я жене об этом, конечно, не сказал, а сразу же купил точно такое же. Но с тех пор у меня появилась привычка: стоит мне чуть-чуть выпить, я снимаю кольцо и прячу поглубже в карман...

– Ну и что? – продолжал я не понимать.

– Я, когда в кабаке с Наташкой познакомился, кольцо уже снял. И забыл про это. А вспомнил только, когда мы уже сюда полдороги проехали. Получилось, как будто я ее специально обманул. Но если бы я вдруг вытащил из кармана кольцо и заявил, – «а я, между прочим, женат...» – вышло бы еще хуже...

– Да уж, – согласился я. – Но в чем, собственно, проблема? Что плохого в том, что она думает, что ты холостой?

– Она мне понравилась, я хочу продолжать с ней общаться. И, по-моему, она в меня влюбилась. Она завтра сюда ко мне снова приедет. И телефон я ей уже дал. Понимаешь, рано или поздно мне все равно придется ей признаться, что я женат, что у меня дети, и чем позже я это скажу, тем ей будет больнее. Да уже завтра это будет нехорошо. Это нужно было сразу говорить, а еще лучше – колечка не снимать. Понимаешь, у нее будут моральные проблемы, ей будет тяжело сознавать, что я ее обманул, использовал. И ей будет трудно поверить, что я это нечаянно...

Мы и сами не заметили, как добрались до мишкиного номера пансионата, в котором с ним жил тогда еще малознакомый нам писатель из Николаева Гена Мовчанов. Гена был худощавый черный, загорелый, крючконосый, похожий на какую-то большую птицу типа коршуна или на Кита Ричардса из «Rolling Stones». Вскоре мы уже втроем пили коньяк, Гена молчал, а мы с Мишей всё обсуждали, как же нехорошо получилось, и как сделать так, чтобы у Наташи не возникло душевных проблем и комплексов.

Чем больше Гена нас слушал, тем сильнее мрачнел. А мы, переливая из пустого в порожнее, всё придумывали и придумывали варианты. Я, например, предлагал:

– Миша, а давай завтра я ей об этом скажу. Скажу, мол, Наташа, Мишка мучается, что так нехорошо получилось... Понимаешь, когда он женился, он потерял колечко... Ну, и перескажу ей всю эту историю.

– Нет, – говорил Миша. – Нельзя. Она решит, что мы сговорились, и ей будет еще хуже...

– А может ей вообще ничего не говорить?! – предлагал я.

– Ага, – удрученно качал головой Миша. – Чтобы она приехала ко мне в Москву и там напоролась на мое семейство? Представляешь, какой это будет для неё удар? Не только для неё, конечно, но и для неё тоже.

После третьей или четвертой рюмки молчание нарушил Гена:

– А я знаю, как решить вашу проблему, – заявил он.

– Как? – уставились на него мы.

– Элементарно, – без тени улыбки сказал он. – Просто, когда она завтра сюда приедет, надо ей по ебальнику надавать.

Сперва мы опешили. Потом стали хохотать, решив, что у Гены такой своеобразный юмор. Хохотали до слез. Но чем больше мы смеялись, тем мрачнее становился Гена. В конце концов, он рявкнул на нас:

– Чего вы ржете, дураки, я серьезно говорю!

Мы остановились. Я, продолжая считать, что он нас разыгрывает, все-таки спросил:

– А за что ей-то?

– Не «за что», а «зачем», – поправил Мовчанов. – Миша надает ей по ебальнику, она решит, что он – гондон, каких мало, и уедет без всяких моральных проблем. Только радоваться еще будет, что вовремя смылась.

С нами случилась очередная истерика. Потом, отдышавшись, мы еще немного поговорили и убедились, что Гена действительно не шутит. Потом мы осознали, что определенная логика в таком рассуждении имеется.

Миша спросил:

– Гена, откуда у тебя такой подход? Ты случайно не хирургом работаешь? Отрезать – и всё...

– Я работаю матросом-спасателем, – сказал Гена с достоинством. – Когда кто-то тонет, и мы подплываем к нему, первое, что делаем – бьем по башке веслом, чтобы спастись не мешал. А потом уже вытаскиваем.

Поэзия

Я не люблю поэзию. Потому что знаю двух поэтов, после которых писать стихи просто стыдно. Один из них – блистательный Артюр Рембо, известный всему миру еще и благодаря прекрасной игре Ди Каприо в фильме «Полное затмение». Другой – Макс Батурин, известен немногим.

* * *

Еще не ставшие никем,
в каком-то подвенечно-белом
они играют в бадминтон.
Ужели вечность не сквозит
в их резких жестах неумелых?

* * *

Знаешь, рассказывай мне иногда,
Когда вечер спускается влажный,
О том, что есть где-то дивный город Караганда
Белокаменный и бумажный.

И еще, пожалуйста, говори
О том, что крутятся карусели,
Что прилетели красные снегири
И на белое дерево сели.

Вы думаете, что такие строки мог написать НЕгений? Да нет, конечно. Вы ошибаетесь. Только гений.

* * *

Однажды, в который уже раз перечитывая единственный сборник Макса, я выделил для себя два стихотворения, которые превратились в песню. В единственную песню, написанную мной на чужие стихи.

Одно стихотворение стало запевом, второе – рефреном.

1.

Я написал тебе любезное,
летели ласточки железные,
и я волшебнo-безболезненно

тебя обласкивал шутя.

За дали летние прелестные
стрижи свистели поднебесные,
а этот человек обрезанный
нам под узцы привел дитя.

Мы будем долгими, как гласные,
нежней, чем мякоть ананасная,
и никакие педерасты нам
не преградят пути, пыхтя.

2.

Я пройду через экватор
Чтоб с тобою повстречаться,
Дай мне полгорбушки хлеба,
Чтобы я не голодал.

Нацепи мне колокольчик,
Чтобы я не потерялся,
Дай мне сердце талисманом,
Чтобы я не одичал.

* * *

В качестве директора группы «Рембрандт» я приехал в Питер. Нам предстояло выступить в ночном клубе «Манхеттен», я заехал туда днем и завез инструменты.

До выступления было несколько часов, делать было нечего, я маялся... Спросил у администраторши, не нальет ли она мне пива, но она сказала, что до 21.00 у нее опечатаны кассы.

Вдруг в дверь позвонили. Девушка открыла, впустила парня. Мне показалось, что где-то я его уже видел. Он отдал ей коробку с CD-диском, хотел тут же уйти, но, увидев меня, воскликнул:

– Юлий! Ты? Какими судьбами?! Откуда ты здесь?!

– Извини, – признался я, – что-то я тебя не помню.

– Я – Толик, Толик Скачков! Из Томска! Я еще тусовался с «Конструкцией», с Федяевым!.. (Коля Федяев – музыкант и художник, живет сейчас в Новой Зеландии, а в Томске у него была группа «Конструкция».)

Точно. Смутно я помнил, что какой-то Толик Скачков действительно был.

– Так откуда ты тут? – продолжал он. – Что делаешь?

Я рассказал ему о группе, затем поинтересовался:

– А где и чем сейчас занимаешься ты?

– Я окончил школу Кайдановского, потом уехал в Германию, снимаю там документальное кино...

– А здесь сейчас как оказался?

– Ну, мне надо диск человеку передать, договорились, что я его тут для него оставлю. Я еще беспокоился, что рано, и тут еще никого нет.

– Кстати, – заметил я, – ваша «Конструкция» играла песни сплошь на стихи Макса Батурина. А я недавно на его стихи тоже песню написал.

– На какие? – полюбопытствовал он. – Я Батурина наизусть знаю.

– Сейчас, – сказал я, – у меня же тут инструменты.

Я принес гитару, положил перед собой листочек с текстом и спел ему вышеприведенную песню. Где-то с середины её Толик начал посмеиваться.

– Слушай, – спросил он, когда я закончил, – а ты все слова в этой песне понимаешь?

– Нет, – честно признался я. – Но Макса уже нет, а переделывать его текст я не могу.

– И какие строчки тебе непонятны?

– «А этот человек обрезанный нам под узцы привел дитя». Мы с друзьями много спорили. Пока сошлись на том, что «человек обрезанный» это Иисус, благодаря которому родился ребенок, но я не уверен...

– Смотри, – сказал Толик. – Макс со своей третьей женой жил тогда на улице Кирова, я жил неподалеку и с маленькой дочкой Соней часто заходил за ними. Мы шли в сквер, сидели там на лавочке и болтали. Иногда они с женой начинали целоваться и уже ничего вокруг не видели. А моя дочка бегала рядом, и если убегала далеко, я догонял ее, хватал за лямки штанов и вел к скамейке. Это называлось «привести дитя под узцы». А я обрезанный.

– Так, – сказал я, переваривая эту информацию. – Что же это выходит? Ты живешь в Германии, я – в Томске. Ни ты, ни я никогда раньше тут не были и больше НИКОГДА не придем в этот ночной клуб, тем более днём, когда он закрыт. Но вот мы пришли и встретились. И ты рассказал мне, что я написал песню про тебя...

Мы довольно долго молчали, охреневая от нахлынувшей мистики. Тишину нарушила девушка-администратор:

– Ладно, налью я вам пиво.

Мы пили это пиво и буквально осязали дух Макса рядом с нами.

Обидеть человека просто. А не надо

Это мне как раз Макс Батурин рассказал когда-то.

«Однажды, Юлиус (так он почему-то меня называл), я лежал в больнице, а на койке напротив лежал прапорщик, хороший такой мужик, такой настоящий, «от сохи». И вот раз он говорит мне застенчиво:

– Макс, вы ведь поэт, правда?

– Ну, да, – не стал я пытаться отвертеться от народной славы.

– Значит, вы, наверное, очень чутки к звучанию слова? Хорошо его чувствуете...

– Ну, наверное, – согласился я.

– А как вы относитесь к латыни?

– К латыни? – слегка опешил я. – Нормально отношусь. Ну, мертвый язык...

– Но как он звучит! – воскликнул прапорщик. – Я вот в нем души не чаю. Вот послушайте только: «Типитут типиточе», – произнёс он с придыханием.

– Как? – спрашиваю я, офигев. – Что-то не понял...

– Типитут типиточе, – повторяет он.

Что-то на латынь даже не похоже, – думаю я. И спрашиваю:

– А что это такое?

– Ну как же! – воскликнул прапорщик. – Это же «меньше малого»!

– Напишите, – попросил я. И он написал: «*minimum minimore*»...

Я смотрел, смотрел... И вдруг понял, что он латинское «m» читает, как «т», а «r», как «ч»... Но как ему это сказать? Может на этом у человека вся его внутренняя эстетика держится, вся его гордость собой: «вот я – простой прапорщик, а латынь люблю»... Так что не стал я его разочаровывать, а только повосхищался вместе с ним красотой латинского языка...»

Камыш и дельфины

Когда я учился на отделении журналистики филфака университета, пара девчонок из моей группы поехали на практику в Одессу, в газету «Одесский рабочий». А, вернувшись, рассказали следующую историю.

Приехали, взялись за дело. Вертятся, как пчелки – репортажи, корреспонденции, интервью... Прошло уже полмесяца, как вдруг в редакции появляется девушка и, хлопая глазами, говорит редактору:

– Здравствуйте, я такая-то, я прибыла к вам на практику. Из Киева.

– Что-то поздновато, – говорит редактор.

– Понима-аете, – делает девушка большие глаза, – моя мама пошла в отпуск и уехала на курорт, папе было одиноко, и он очень не хотел, чтобы я куда-то уезжала, он хотел, чтобы я побыла с ним дома. А вы знаете кто у меня папа? Папа у меня... – И она называет должность отца. Оказывается он – большая шишка в республиканском ЦК. И становится ясно, что никаких претензий к девочке быть не может.

– Ладно, – говорит редактор, – если вы возьметесь за работу прямо сейчас, вы еще всё наверстаете.

– Понима-аете, – снова тянет девушка, – мама уже приехала, и в отпуск пошел папа. Он будет отдыхать в пансионате под Николаевом, и он очень хотел, чтобы я была с ним...

То есть, девочка явно намекает на то, что практику ей надо засчитать за красивые глаза и фамилию папочки.

Но редактор не был бы одесситом, если бы тут же кое-что не придумал.

– Под Николаевом?! – воскликнул он. – Это большая удача! Как раз недалеко от Николаева, в каком-то поселке, название я не знаю, но их там немного, работает наш одесский студенческий отряд! Найдёте его, поговорите с бойцами, с командиром, его фамилия Воронов, делаете материал на всю газетную полосу, и практика у вас будет отличная! У вашего папы будет возможность выяснить в райкоме, где трудится отряд и свозить вас на машине туда-обратно?

– Конечно! – обрадовалась столичная дива и исчезла.

Следующие полмесяца наши девчонки продолжали вертеться аки пчелки... И вот наша героиня появилась в редакции вновь:

– Мы с папочкой были в райкомах партии и комсомола, никто об этом отряде ничего не знает. Ни про какого Воронова никто ничего не слышал. Мы на машине объездили весь район – ничего! Что же мне делать?

Редактор, уже готовый к этой ситуации, вскричал:

– Дорогая моя! Вам невероятно везет! Жаль, конечно, что вы не побывали на месте, но командир отряда сейчас в Одессе! Только что звонил из главка! Вам даже не нужно никуда ехать! Я наберу его номер, вы поговорите с ним с часик по телефону, он всё расскажет вам, вы напишете полосный материал, и практика будет вам засчитана!

Он набирает номер соседнего кабинета редакции и говорит своему же журналисту:

– Алё, Саша? Слушай, а Воронов всё еще у тебя?

– Какой Воронов? – удивленно спрашивает журналист, узнав в то же время голос своего редактора. Но девица этого, конечно, не слышит.

– У тебя? Вот и отлично! – радуется редактор. – Дай-ка ему трубочку, с ним сейчас поговорит наша практикантка. Ну, та самая, у которой папа, я рассказывал... Сейчас найдёте? Но он точно где-то у вас? Только трубку не кладите.

Журналист Саша смекает, что редактор ведет какую-то игру и трубку не кладет. А тот даёт девушке стопку бумаги, ручку, садит на свое место и говорит:

– Его пошли искать по главку. Сейчас найдут, и он с вами поговорит. Постарайтесь всё записывать как можно подробнее, обработать и отпечатать. Ну, не буду вам мешать...

Выскакивает из кабинета, влетает в соседний, хватает трубку и дальше разговаривает с девушкой уже по телефону и уже от лица командира мифического отряда...

Проговорили они действительно около часа. Еще часа три девушка обрабатывала и печатала материал, а к концу дня сдала его. Редактор материал прочел, картинным жестом подписал его «в печать», девочку всячески похвалил и поздравил ее с окончанием практики. Документы и газету со статьей пообещал выслать почтой.

На самом деле он собирался отправить этот материал на журфак киевского университета с просьбой больше не присылать ему таких законченных дур. Но не газетной полосой, конечно, а в рукописи.

Ведь, оказывается, студенческий отряд, работающий под Николаевым, занимается не чем-нибудь, а сбором камыша, так необходимого народному хозяйству... (Для чего камыш народному хозяйству, папочкина дочка спросить не удосужилась.) Все бойцы отряда – спортсмены-аквалангисты, так как работать приходится исключительно под водой.

Весь заработок от прошлого года они пустили на освоение передового метода: закупили у японцев специально адресированных дельфинов, к хвостам которых пристегиваются косилки для уборки камыша.

Работа у студентов не только трудная, но и опасная: в прошлом году, один из бойцов погиб, запутавшись в камышах, и на комсомольском собрании отряд решил весь заработок этого лета направить на создание памятника погибшему... Памятник будет установлен тут же – под водой, в камышах, чтобы увидеть его мог только настоящий подводник.

И вот всю эту ахиною сдобренную милыми подробностями и героическим пафосом киевлянка и изложила в материале объемом в газетную страницу.

Редактор собирался повеселить коллектив чтением этого материала на завтрашней утренней планерке. Но с утра пораньше его срочно вызвали в горком и прямо оттуда отправили в какую-то срочную командировку.

...Когда оказалось, что в номере не хватает текстов, ответственный секретарь заглянул в кабинет редактора и обнаружил на столе подписанную шефом полосную рукопись. Естественно он поставил его в номер. На чтение у него не было ни времени, ни желания.

На следующий день читатели «Одесского рабочего» содрогнулись. Газета была со свистом раскуплена. Скандал был грандиозный. Ситуация была расценена как циничная антисоветская провокация, и редактор чудом не лишился партийного билета и работы...

А девочка... Что девочка? Практика была ей зачтена. А почему нет? Полосный материал – налицо. Не каждый первокурсник может таким похвастаться.

А каково было людям в 37-м?

У меня украли велик. Я оставил его возле двери магазина «Ярче!», признаюсь, не зацепил, так как планировал зайти минуты на две. Столько примерно и был, но когда вышел из магазина, велика уже тю-тю.

Я сразу позвонил в ментовку. Приехали, взяли показания, составили протокол, приняли заявление, сказали: «Будем искать, вас пригласят».

Пригласили примерно через месяц: позвонили по телефону. Я обрадовался: «Нашли?!» «Нет, – говорят, – но вы нам нужны».

Я явился в отделение милиции, поднялся в указанный кабинет. Там сидели два следователя. Один – коренастый и хмурый, лет сорока пяти. Другой – помоложе, но такой же хмурый.

– Присаживайтесь, – сказал мне старший.

Я присел. Молчим. Старший сверлит меня тяжелым взглядом. Мне захотелось уйти. Наконец, он прерывает затянувшуюся паузу:

– Скажите, Юлий Сергеевич, зачем вы нам врётё?

Я слегка охренел.

– В каком смысле? Что я вам вру?

– Юлий Сергеевич, – следователь поднялся и вышел из-за стола. – Я уже давно работаю в полиции, и хорошо умею разбираться в людях. И я вижу: вы говорите неправду. Никто велосипед у вас не крал.

– Да зачем мне врать?! – поражаюсь я, но на самом деле что-то у меня внутри сжимается, и я отчетливо начинаю чувствовать себя виноватым.

– Вот и я пытаюсь это понять, – говорит следователь. – Зачем. Что вы лжётё, это для меня очевидно, а вот мотивы я пока понять не могу.

– Нет, подождите, – уже каким-то не своим, сдавленным голосом, говорю я. – Хотя бы предположительно, зачем я стал бы писать заявление о краже велосипеда, который у меня не украли? Я же не мог рассчитывать на то, что вы его найдёте и вернёте мне, если он не украден.

– А вот нет, – говорит следок. – Не всё так просто. Велосипед у вас, скорее всего, действительно пропал. Но не тогда и не так, а как-то по-другому, при иных обстоятельствах. А вы своим ложным заявлением вводите следствие в заблуждение, а это, между прочим, тянет на статью.

– Да с чего вы решили, что я вру?! – воскликнул я срывающимся голосом.

– Когда по вашей версии был украден велосипед?

– Двадцать первого августа.

– И в котором часу?

– В восемь пятнадцать вечера.

– Вы уверены? – криво усмехается следователь.

– Да, я запомнил, потому что потом это время указывал в заявление.

– В чем вы были одеты?

– Я был в серой куртке.

– Хорошо. По вашим словам, вы оставили велосипед у первого, самого левого, входа.

– Да.

– А вот это неправда. Ничего вы там не оставляли.

– Оставлял, – говорю я и с ненавистью к себе слышу в своем голосе слезливые нотки.

– Нет! – рявкает следователь, нависнув надо мной. – Не оставляли!

– Но почему? – спрашиваю я, уже окончательно готовый разрыдаться.

– А вот это вы мне ответьте – почему.

– Нет, почему вы на меня кричите?

– Потому что вы вводите в заблуждение следствие. Мы – я и Владимир Иванович, – указывает он на молодого, – всю ночь просматривали записи с камер. Не было вас там! В магазине были, а возле этой двери – нет, не были. И ничего там не оставляли.

– А в магазине был?

– Да, там мы вас нашли.

– Но как же я туда попал?

– Как-то проскочили, там иногда очень густо люди идут, не уследишь. Но никакого велосипеда там точно не было!

– А можно мне посмотреть эти записи?

– А смысл? Мы просмотрели всё очень внимательно.

Внезапно я понимаю, что уже не уверен, что был там и оставил там велосипед. Вообще-то я довольно рассеянный человек и вполне мог оставить его в другом месте, и до «Ярче!» дойти пешком... А потом переключило, и решил, что велик должен стоять тут. Но я все же настаиваю:

– Давайте, я посмотрю. Это же быстро.

– Да пожалуйста, – говорит следок. – Володя, покажи гражданину.

Я сажусь рядом с молодым. Тот говорит:

– Вот съемка с камеры напротив, через улицу. Возле самого входа камеры нет. Вы говорите в восемь пятнадцать? Начнем ровно с восьми. Вот.

Он включает картинку, и мы смотрим, как туда-сюда по улице проезжают машины. Дверь магазина видна отчетливо.

Проходит пять минут, шесть, семь... И тут я вижу, как в кадр въезжает на велосипеде моя спина и движется через дорогу в сторону магазина.

– Вот же я! Вот! – кричу я, тыча пальцем.

Оба милиционера недоверчиво пялятся в экран.

– Вы говорили, на вас куртка была серая, а тут коричневая, – заявляет младший.

– Да у этой камеры все коричневое! – замечаю я, и милиционеры вынуждены со мной согласиться.

Тем временем я на экране подкатываю к двери «Ярче». И тут между мной и камерой паркуется автомобиль, и больше не видно ни меня, ни дверей. А буквально через две минуты кто-то выезжает из-за автомобиля на велике, но видно его издалека и со спины, так что опознать похитителя не удастся.

Старший смущенно извиняется, заверяет, что поиски будут продолжены, и я ухожу.

Велик так и не нашли. Но главным для меня в этой ситуации было другое. Я понял, что если бы на меня надавили еще чуть-чуть, я бы признался, что никакого велика не было, что я сознательно ввожу следствие в заблуждение, а главное, и сам бы в это поверил.

Генетический уровень продажности

Спросил как-то раз у одной своей знакомой:

– Слушай, как так получается, что каждый последующий твой муж сильно богаче предыдущего?

Она ответила:

– Я, честное слово, выхожу замуж не по расчету. Просто я так устроена: когда узнаю, как много у мужика денег, влюбляюсь в него по-настоящему.

Резонанс

Люблю я нежно художника Вадима Долинского. И замечательные его картины, и его самого, и его рассказы о себе. Ну, например, как в детстве, побывав на выездной экспозиции живописи, он сказал маме: «Тоже хочу быть художником. Ну, хотя бы как Рембрандт».

Но вообще-то рассказать я хочу совсем о другом – о своем с ним знакомстве. Дело было так. Я, человек, вообще-то, довольно равнодушный к живописи, был на каком-то концерте и, прохаживаясь в перерыве по фойе концертного зала, краем глаза я почувствовал что-то необычное.

Остановился, посмотрел и обалдел от того, как мне понравилась картина – фигура женщины в удивительной цветовой гамме. Понравилась и другие картины, висящие рядом, явно принадлежащие той же кисти. Я тут же нашел администратора и спросил, чьи это работы. Мне ответили, что молодого малоизвестного художника Долинского из города Северска. И даже дали его номер телефона.

Я работал тогда в газете «Антенна», и я захотел прославить этого художника. Позвонил ему, встретились, провёл с ним интервью. И уговорил редактора сделать под этот материал в нашей чёрно-белой газете цветной вкладыш и разместить в нём несколько репродукций его картин. Вышло шикарно.

А где-то через пару месяцев он мне позвонил:

– Юлий, а ты не хочешь посетить мою выставку?

– Да, конечно, а где?

– В «Галерее на Белинского». Приходи сегодня, уже последний день.

Я пришел. Выставка была отличной, но в некоторых местах, где явно должны были висеть картины, они отсутствовали.

Вадим объяснил: тут были картины, которые купили. Он просил покупателей подождать до закрытия, но вот сегодня они свои приобретения забрали.

– Тебе вот эта, вроде, понравилась, – показал он на ту картину, которую я увидел в фойе концертного зала.

– Да, – подтвердил я.

– Хорошо, что не купили. Забирай.

Я опешил:

– Брось, Вадим. Это же дорого.

– Бери-бери, – ты первый журналист, который обо мне написал, да еще по собственному почину. Снимай. Это, кстати, моя жена, я её еще наваяю.

Я не заставил себя уговаривать, картину снял, но тут же предложил:

– Пойдем ко мне, я по такому случаю проставлюсь.

* * *

И вот мы сидим у меня, попиваем вино, разговариваем о том и о сем, и в какой-то момент, само-собой, заговорили о женщинах. И я рассказал ему о своей любви, которая перевернула всю мою судьбу, из-за которой раскололась моя семья, а сам я чудом остался жив². А он рассказал, как сильно он любил одну девочку, с которой так ничего и не было, потому что она не дождалась его из армии, а до его армии она была еще слишком маленькая...

² Эта история подробно изложена мной в повести «Королева Белых Слоников».

Я почувствовал что-то неладное, потому что девочка-то моя была как раз из Северска. И она не раз сокрушалась, что связалась со мной и не дождалась из армии своего парня... Не долго думая, я назвал ее имя и фамилию. И точно, так оно и оказалось. Это была она. Оказывается, мы были влюблены в одну и ту же девушку, причем примерно одновременно.

И стало понятно, почему мне так нравятся его картины. Потому что художник ведь пишет прежде всего душой. И любит человек тоже душой. Так что души у нас, видимо, очень похожи.

И как вы думаете, мы не напились после этого в зюю?

Вот.

А эта картина до сих пор висит над моей кроватью.

Черепахи и гелиотропы

Мой приятель Коля Данцов принимал в газете «Всё для Вас» бесплатные объявления. В связи с этим в результате каких-то мелких махинаций он имел кое-какие бонусы от рекламодателей. Например, у него всегда были билеты на футбол, и он постоянно уговаривал меня пойти туда с ним. Но я не болельщик. Я не вижу никакого удовольствия в наблюдении за тем, как играет кто-то другой.

Но однажды я дал слабинку и согласился. Мы закупились пивом, какими-то закусками и прошли на стадион. Игра была крутая – «Томь» играла с какой-то серьезной приезжей командой, в составе которой имелось даже трое негров. Я огляделся по сторонам. Народ бухал. На поле смотрели единицы. Когда там происходило что-то особенное, и кто-то вскрикивал, все начинали спрашивать друг у друга, что произошло...

Борьба шла ожесточенная, но счёт упорно держался 0:0. Вскоре все окончательно потеряли интерес к матчу, и стадион загудел как потревоженный улей. Проглатывая стакан за стаканом пива, Коля, рассказал, что на днях, принимая по телефону объявление, он познакомился с девушкой, судя по голосу, очень милой, и именно сегодня вечером после футбола он поедет к ней на первое свидание.

– Но она сказала, что будет не одна, а с подругой, – рассказывал Коля, – потому что одна боится встречаться с незнакомым человеком. А вдруг я маньяк какой-нибудь? Юль, пойдём со мной, – стал уговаривать он меня, – пойдём. У неё и подруга, наверное, классная...

Я мялся. Не верил я, что из этой затеи выйдет что-нибудь путное. Отбрыкивался тем, что у меня есть девушка, и никаких новых знакомств мне не нужно. Ну, пойдём, ну, выручи товарища, – ныл он. – Что я буду с ними с двумя там делать?

И тут стадион взорвался: на последней минуте наши забили противнику гол. На радостях все стали срочно допивать всё принесённое. Мы не были исключением, ведь даже я, несмотря на всё безразличие к футболу, испытывал подъём – от того, что «наши выиграли», и от того, что все вокруг были такими радостно-возбужденными.

Так что со стадиона мы вышли уже очень «хорошими». И ноги нас сразу понесли в летнее кафе, которое находилось в скверике на Новособорной площади, там, где сейчас стоит камень памяти репрессированным.

Сели за столик. Вечер был прекрасным, тёплым и красивым. Коля снова заикнулся про девушек, но я снова отказался с ним ехать. Накатили еще по паре пива и, естественно, захотели отлить. Надо сказать, что в глубине этого сквера – обрыв. Сейчас там протянута защитная железная сетка, тогда её еще не было.

Подошли к обрыву, Синхронно расстегнули брюки, и я стал цитировать Артюра Рембо:

– ... Так, кружек сорок выпив или тридцать пять
И все свои мечты пережевав и слопав,
Сосредоточиваюсь я, чтоб долг отдать;
И кроткий, словно бог, бог кедров и иссопов,
Я в небо писаю, – какая благодать! —
С соизволения больших гелиотропов.

И такая на меня снизошла описанная (простите за слово) поэтом благодать, такая наступила гармония, что я спросил Колю:

- Коля. А если бы я с этого обрыва упал, ты бы прыгнул меня спасти?
- Прыгнул бы, – твёрдо ответил он.
- Тогда прыгай, – сказал я и упал в обрыв.

Небо-земля, небо-земля, небо-земля... – мелькало перед глазами. Перепуганный я уцепился за какой-то куст и замер.

Мимо меня с хрустом ломаемых стеблей кустарника прокатился Коля.

– Коля держись! – крикнул я ему вниз. – Я остановился!

И он тоже как-то сумел остановиться.

Мы выползли наверх грязные оборванные, но счастливые. Я – что сам не побоялся прыгнуть, и что Коля прыгнул меня спасать, он – что я так дерзко поступил, а он сдержал слово. И оба мы были счастливы еще и оттого, что всё хорошо кончилось, а ведь могли бы, как минимум, переломать себе ноги-руки.

Мы вернулись к нашему столику. Соседи подозрительно косились на нас. Ещё бы, мы ведь оба были теперь чумазыми как черти, рваными и исцарапанными. Кстати, оба до того были в белых майках.

Но нам на всё на это было наплевать, ибо счастье и адреналин бурлили в наших венах. Адреналин нас немного отрезвил, и на радостях мы выпили ещё по паре стопок водки. И тогда я заявил:

– Поехали к твоим девкам!

* * *

В тачке, по пути, Коля засомневался:

– Юля, ну, как мы такие грязные к ним явимся?

– Ерунда, Коля, – заверил я, с трудом фокусируя сознание на проблеме, – я – журналист, и я найду волшебные слова, после которых они примут нас и полюбят.

Никогда ещё я не испытывал такой гордости за своё умение работать со словом.

Смутно помню, как мы звонили в дверь, как нам открыла красивая, модельной внешности, девушка, а вторая с ужасом рассматривала нас, выглядывая у той из-за плеча...

Не дав им опомниться, я сразу объяснил:

– Только, пожалуйста, извините нас за то, что мы так выглядим. Дело в том, что случилось ужасное и прекрасное одновременно. Я упал с обрыва, а Коля прыгнул меня спасать.

– А напилье вы под обрывом? – спросила хозяйка.

– Не-ет, зачем? – сказал я, – не пугайте меня. Мы не напилье. Мы отметили героизм моего друга. Что может быть естественней в такой ситуации?

Девушки соображали, а мы потихонечку продвинулись в коридор стандартной хрущёвки, и я, увидев дверь в совмещенный санузел, продолжил:

– Девушки, да, мы выглядим ужасно. Именно поэтому лично мне сейчас необходимо срочно принять ванну. Можете вы мне это позволить?

Потом помню, что я сижу в ванне. И вижу на полу черепах. Штук шесть или семь. Разных размеров, в основном, маленьких. И я с чего-то решаю: «Черепahi должны плавать!» Я перевешиваюсь через край ванны, ловлю черепах и бросаю их к себе в ванну. Черепahi тонут.

Я понимаю, что это не те, не морские черепахи, пугаюсь, что убью их и кричу:

– Девушки! Ваши черепахи не хотят плавать!

В ванную комнату врываются обе девицы. Ругаясь на чём свет стоит, они вытаскивают черепах из ванны, лазая руками у меня буквально по всем частям тела.

– Но они должны были плавать, – оправдываюсь я.

– Идиот! – кричат они. – Это обычные черепахи!

– Морские – тоже обычные, – неубедительно оправдываюсь я. – Чего в них необычного?

Вытряхивая воду из черепах, девушки хлопнули дверью и оставили меня наедине с моим позором.

Мне действительно стало очень стыдно, и я резко отрезвел. Вылез, вытерся, оделся и тихонько, не прощаясь, выскользнул из квартиры. При этом я слышал, что в соседней комнате Коля настраивает гитару...

Через час я уже лежал дома на своем диване... Меня разбудил звонок телефона. Я взял трубку:

– Алло?

– Юля, это ты? – раздался голос Коли.

– Да, а ты откуда?

– Из дома.

Я глянул на часы. Я проспал не больше часа.

– А почему? Ты ж там остался.

– А ты представь, – говорит Коля. – Неожиданно я очнулся и обнаружил, что грязный и оборванный сижу на полу посередине комнаты и пытаюсь что-то петь под в хлам расстроенную гитару. А передо мной на табуретках сидят две мрачные длинноногие девушки и смотрят на меня так, что мне стало удивительно, что я еще жив. Я встал, извинился и ушел.

Вот, собственно, и всё. Пожалуй, это самая идиотская история, которая происходила со мной в жизни.

Баллада о пожилом зайце

Рассказ бас-гитариста и главного Деда Мороза города Димы «Купы» Оконечникова:

«Новый год с 95-го на 96-й. Детский клуб «Синяя Птица». Сначала всё было нормально. Вышла Снегурочка, повела с детьми хоромы вокруг ёлки, а потом они стали хором звать меня: «Дедушка Мороз, выходи!..» А я сидел в музыкалке у Марата Нагаева, в костюме уже ждал, когда позвонят. Слышу крики, поднимаюсь, беру мешок, посох... Шапки нет. А это ведь не просто шапка, к ней парик седой пришит! Не могу же я без волос идти.

Давай мы с Маратом метаться, искать. А музыкалка маленькая, вся по случаю праздников завалена игрушками, костюмами, всякой ерундой. Куда я эту шапку сунул, понятия не имею. Дети уже раз восемь «Дедушка Мороз, выходи» прокричали, а мы всё ищем и ищем. Марат хватается за верх от костюма зайца, там белый мех по краям, натягивает мне на голову, говорит: «Сойдет за волосы, надо только что-нибудь сверху надеть».

Тут залетает в музыкалку девушка-режиссер, увидела меня в таком виде, впала в ужас. Я ей объясняю, что шапка с париком исчезла... Она вытаскивает откуда-то черную бейсболку с надписью «New York», натягивает ее сверху заячьего верха, уши под нее спрятала и вытаскивает меня в зал:

– Иди уже!

Снегурочка как увидела меня в бейсболке, так и обмлела... Но не растерялась, говорит:

– Ну, вот и Дедушка Мороз. Долго он к нам шел, видно, издалека. Из самой Австралии. А на шапке-то «Нью-Йорк» написано. Я удивился таким гримасам географии, спрашиваю:

– Почему из Австралии?

А она в ответ:

– А я откуда знаю, где ты пропал?! Мы с ребятами ждали тут тебя!

Сварливая Снегурочка оказалась. Ну, стал я свою роль играть, конкурсы устраивать, хоромы водить. Эдакий суперсовременный Дед Мороз – в бейсболке... Уже и забыл про это, наплясываю с детьми... Как вдруг шапочка с моей головы слетает, и уши расправляются.

Дети от такой метаморфозы аж танцевать перестали: был Дед Мороз, а стал какой-то пожилой заяц. Борода, усы... и уши сантиметров по тридцать длиной. Одни плачут, другие хохочут.

Хотя бы год Кролика наступал, вывернуться можно было бы. Так нет же – год Огненной Крысы.

С другой стороны, пусть привыкают: жизнь штука сложная, и не всё в ней является тем, чем кажется... Вот такая история».

Данилыч+

Мой друг Володя Захаров знает множество занятных историй и умеет их здорово рассказать. Две из них – про его университетского приятеля Данилыча – я люблю особенно, и всякий раз при встрече прошу их повторить еще и еще раз. Но пересказать их я не взялся бы, слишком много там мелких шикарных подробностей. Поэтому я попросил Володю самого их записать для меня. Что он и сделал. Читайте. Завидую вам.

1. «В жизни есть место подвигу»

Из своей первой практики в районной газете «Ленинская правда» Данилыч привёз около двадцати материалов. Помимо всех известных жанров там было два очерка – «В жизни есть место подвигу!» и «Соль земли». Даже один очерк для студента-первокурсника это круто, а тут целых два.

Первый он написал по горячим следам событий, в центре которых оказался сам. Дело в том, что по дороге в редакцию ему удалось поймать ребёнка, выпавшего с балкона пятого этажа.

– Прямо в руки упал, – рассказывал мне Данилыч. – У меня реакция хорошая. Я ни испугаться, ни разозлиться не успел. Голову поднял, квартиру вычислил и через несколько минут уже звонил в дверь. Родители хотели большим человеческим «спасибо» отделаться, но я их быстро вернул в реальность. Продиктовал по пунктам, в чём конкретно должна быть материально выражена их родительская мне благодарность. В конце оглашения списка папаша с мамашей, похоже, уже и не рады были, что я их чадо спас, но рассчитаться, однако, пришлось, – не без гордости закончил он.

Добравшись до редакции, он сразу объявил ответственному секретарю (редактор был в отпуске), что у него есть сюжет, строк на девятьсот, в рубрику «О людях хороших». И тут же написал информационную заметку о происшедшем и небольшое интервью (с самим собой) о чудесах, которые случаются с нами в жизни.

В следующем номере, на развороте (под псевдонимом А. Жутковец) уже красовался материал «В жизни есть место подвигу!» Фактическая часть события полностью соответствовала действительности, эмоциональная же окраска, а также предшествующие и последующие нюансы были, мягко говоря, далеки от правдоподобия.

Герой очерка по версии автора был идеальным комсомольцем, который всегда готов прийти на помощь людям. Ни шагу в жизни он не сделал без оценки – что ещё можно исправить, починить, кого пожалеть, к кому применить воспитательные меры и прочее. Даже спортом (Данилыч был чемпионом края среди юношей по боксу) он стал заниматься, чтобы «еще более действенно бороться с несправедливостью и защищать слабых». Спасение же ребёнка – «ни что иное, как итог его ежедневного нравственного совершенствования».

Подтверждали это и слова родителей спасённого малыша: «Небеса, небеса послал нам этого светлого ангела! Доброго и бескорыстного! Он не только отверг вознаграждение, но и предложил нам любую посильную помощь. Мы, конечно, отказались, но память о таком самопожертвовании долго будет согревать наши сердца!»

Материал приняли на ура и даже отметили на летучке лучшим в номере. Однако, Данилычу этого показалась мало. В следующем номере он организовал на основе выдуманных им самим писем читателей, дискуссию под заголовком «А есть ли в жизни место подвигу?»

Мнения выдуманных читателей разделились. Одни говорили, что образ спасителя младенцев слишком идеален, другие, что именно таков и есть портрет настоящего советского чело-

века. Продолжение полемики публиковалось ещё в двух номерах. Ведущий дискуссии А. Жутковец грозился разразиться ещё и большой философской статьёй о нравственных принципах воспитания советской молодёжи, но тут позвонил из отпуска редактор, потребовал «прекратить этот балаган» и дать студенту нормальное задание – отправить освещать уборочную компанию.

2. «Соль земли»

Именно «с полей» Данилич и привёз свой второй очерк – «Соль земли».

– На редакционном узике меня отправили в совхоз «Заря коммунизма». Зашёл в контору, узнал имя и фамилию передовика. Записал показатели – обмолоты-намолоты, поехали в поле...

Однако герой страды оказался неразговорчивым. Даже грубым. Высунулся из кабины комбайна и сказал, чтобы все шли на хер и не мешали работать. На этом, собственно, сбор материала и был закончен.

Данилыча задела тирада комбайнёра, молодой журналист (напомню, боксёр) предлагал ему выйти и разобраться по-мужски, но тот только махнул рукой и покатил дальше. А зря. Вскоре бедолага на собственной шкуре познал силу печатного слова.

Газетный образ колхозника Николая показался односельчанам неожиданным, странным и даже тревожным.

Ранее не замеченный в особой сентиментальности Николай признавался корреспонденту: «Идёшь, бывало, с работы, наклонишься, черпнёшь землицы-то ладонями, поднесёшь к лицу и скажешь: – Матушка-кормилица, здравствуй родная! Прекрасна ты и сильна, щедра и обильна! Прости нас за лень и нерадение! Подскажи, как обиходить, как лучше позаботиться о тебе?!..»

Кроме сверхчувствительных сентенций Николай часами любит восходами и закатами, тайком пишет стихи для души, и так далее. Ну, разве что не играет на свирели посреди зелёного лужка. Обнародованы были и странные пристрастия Николая. Долгими зимними вечерами он, оказывается, вырезает из дерева игрушки и свистульки «для многочисленных домочадцев» (количество их Данилыч уточнить поленился), а летом чуть свет «идёт на рыбалку с удочками в руках и резиновой лодкой за спиной» (хотя в радиусе пяти километров нет ни реки, ни озера).

Удивила знакомых и речь односельчанина, изобилующая пословицами и поговорками (которые Данилыч придумал сам). Как то: «ты рыбе червя, а она тебе всю себя», «такого и кобель без зазрения обрешет» и т. п.

Сам же Николай особенно был поражен откровениями о своей скромной до уровня заботности жене, которая, оказывается, «и сошьёт и свяжет, и сказочку расскажет, а если рюмочку выпьет, то и споёт, и спляшет». Взбешённый, таким поведением жены во время своего отсутствия (в его присутствии-то она точно не выпивала), передовик устроил ей разбор полётов с погоней и пальбой из охотничьего ружья...

Приезжал он и в редакцию. Скандалил. Но автора очерка не застал – тот уже отбыл для дальнейшего продолжения обучения в Томском университете, имея на руках сдержанную характеристику редактора и избыточный набор публикаций для кафедры.

Кстати, на ежегодном конкурсе студенческих публикаций очерк «Соль Земли» занял второе место («за лучшую художественную стилизацию»). А первое (сообщаю не без гордости) занял мой – «Живущие не по лжи».

История третья, бонусная

На этот раз – о самом Володе Захарове, и это уже мой пересказ.

В дни бесшабашной молодости Володя взял моду, выпив, выставлял на балкон колонки, врубать на полную Луи Армстронга и играть под этот аккомпанемент соло на трубе.

Надо сказать, что играть на трубе он не умел, как не умеет и до сих пор, поэтому сольники у него выходили, мягко говоря, неожиданные. Но громкие. Настолько неожиданные и громкие, что соседи пожаловались городским властям.

Володю вызвали в мэрию Бердска, и женщина-мэр стала стыдить его: «Владимир, вы – молодой предприниматель, можно сказать, элита нашего небольшого города, а позволяете себе такие безобразные выходки»... Однако Вова быстро перехватил инициативу разговора и в красках поведал мэру о трудных буднях отечественного бизнесмена, а также о своем долге поднимать эстетический уровень соотечественников, которые не понимают пока настоящий фри-джаз... Коснулся он и нелегкой мэрской доли, бегло пройдясь по насущным городским проблемам.

Мэр слушала-слушала, да и пригласила его к себе на должность заместителя. Тут Володя понял, что перестарался. Он ведь только рассчитывал смягчить себе наказание за хулиганство, не более. Рассыпавшись в благодарностях и стараясь не обидеть мэру, от места чиновника вольнолюбивый дебошир отказался, сославшись на нравственный долг перед сотрудниками своего небольшого предприятия.

Находчивый Корсун

Юра Корсун, еще один друг Володи Захарова, в конце девяностых получил неожиданный мощный ресурс в деле охмурения противоположного пола. В одном газетном киоске он наткнулся на брошюру «100 интимных поз, которые вы не знали». Этакая Камасутра для бедных. Позы были представлены фотографиями двух разнополюх моделей. Усатая мужская модель была копией Юры.

Не долго думая, он скупил все имеющиеся в киоске экземпляры – несколько десятков – и принялся методично раздаривать их всем знакомым, а иногда и незнакомым, барышням, приговаривая, – «Я тут на досуге поснимался немножко...» Ставил автограф и писал номер телефона.

Эффект превзошел все его ожидания.

Боярский + Абдулов = хрень какая-то...

В 2000-м на открытии питерского конгресса фантастики «Странник» присутствовал Михаил Боярский. Известно, что он – заядлый битломан. Кто-то мне рассказывал, что видел, как он в какой-то телепередаче хвалил мою с Костей Фадеевым книжку «Осколки неба, или подлинная история «Битлз».

А как раз в тот момент в издательстве ЭКСМО вышло ее переиздание – с цветными картинками, на белоснежной бумаге, и я, человек честолюбивый, решил подарить ему эту книгу с авторской подписью. Ну, приятно мне будет сознавать, что моя книга стоит на полке такого замечательного артиста.

И вот он сидит прямо передо мной: я на втором ряду, а он на первом. Церемония открытия конгресса еще не началась. Я наклонился и спросил:

– Михаил, а правда, что вы по телевизору лестно отзывались о книге «Осколки неба»?

– Да-да, это о «Битлз», – закивал он, – прекрасная книга! Лучшее, что я читал о них!

– Так это я её написал, – похвастался я, от гордости забыв про соавтора (впрочем, в тот момент это значения не имело, зато сейчас не забыл).

– Да вы что?! – восхищённо воскликнул Боярский.

– А у вас есть эта книга? – спросил я.

– Нет, мне кто-то дал ее почитать.

– Хотите, подарю?

– С удовольствием приму такой подарок.

И я с радостью и гордостью подарил ему эту книжку.

...Но идиотская ситуация, о которой я хочу поведать, произошла через два дня, уже на закрытии конгресса. Тут присутствовал Александр Абдулов, об участии которого предварительно заявлено не было: его награждали премией, как «кино-легенду фантастики» за роли в фильмах «Обыкновенное чудо» и «Убить дракона». А меня наградили за роман «Цветы на нашем пепле», признанный лучшей фантастической книгой года.

На самом деле именно Абдулов в тот момент был моим любимым русским актером, и мне захотелось с ним сфотографироваться. Меня слегка пугала его надменная гримаса, к такому не подступишься. Но, в конце концов, мы только что стояли на одной сцене, получили одинаковые премиальные статуэтки... Я догнал его не выходя из зала:

– Александр, а можно с вами сфотографироваться?

Он неодобрительно на меня посмотрел, но, похоже, узнал человека, который стоял на сцене рядом с ним, и пожал плечами:

– Да пожалуйста...

Мы встаем рядом. Девушка, которую я попросил сделать снимок, возится с фотоаппаратом, и наступает неловкое молчание. Я ужасно волнуюсь и, чувствуя необходимость что-то сказать, бормочу:

– Э-э... А вот Михаил Боярский позавчера сказал, что ему очень понравилась книга «Осколки неба». Вы её не читали?

– Нет, не читал, – мрачно качает головой Абдулов.

– Зря, – вдруг заявляю я, лихорадочно при этом соображая: «Надо бы подарить... Но где её взять-то? У меня больше нет...» И мои губы сами собой продолжают: – Очень интересная книжка. Почитайте... Возьмите у Боярского.

Произнеся это, я сам обалдеваю от идиотизма сказанного. Чувствую себя полным придурком. Такое впечатление, что Абдулов с Боярским живут в одной комнате общаги или обязательно дружат семьями... И вообще, откуда Абдулов знает, что это за книга – «Осколки неба», и почему он должен был её читать? Я ведь не сказал, что я – её автор, что она о «Битлз», что

Боярскому её подарил я... С таким же успехом я мог бы, например, сказать: «А вы читали книгу «Туманность Андромеды»? Нет? Зря. Возьмите у Баниониса»...

Абдулов после этих моих слов тоже выглядел несколько обескураженным. В глазах у него читалось: «Каких только ублюдков не встретишь на подобных мероприятиях...» Тут-то нас и запечатали.

Этот снимок хранится в моей коллекции. Но я его никому не показываю.

Война – сестра печали

Я только-только начал работать в газете «Молодой Ленинец». Приближалось девятое мая, и мне поручили подготовить в праздничный выпуск интервью с ветераном. Задача была сделать материал «тёплый» человеческий. И даже искать ветерана мне не надо было: дали телефон. Точно помню, что это был не простой ветеран, а председатель какого-то их районного комитета.

Созвонился, договорились встретиться в областном военкомате.

И вот я на месте. Знакомимся, достаю ручку, блокнот, начинаю беседу:

– Расскажите мне, пожалуйста, о войне.

– Ладно, – говорит он. – Я тебе расскажу про Сталинградскую битву.

И начинает говорить ровно, без запинки. Такая-то армия – туда, такая-то – сюда... «В середине декабря противник начал наступление и за семь суток подошёл к окружённой группировке на сорок километров. Тогда советское командование срочно задействовало резервы. Командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский мощными рассекающими ударами...» Короче, всё – как по учебнику. (Сейчас я эту фразу с учебника и списал).

Я понимаю, что это не то, чего от меня ждут в редакции. Было неловко, но я его остановил.

– Вы, – говорю, – расскажите лучше что-нибудь из личного опыта.

– Из личного? – переспрашивает он. – Ну ладно... Как я уже говорил, командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский решил мощными рассекающими ударами...

– Нет-нет, – говорю я. – Расскажите что-нибудь жизненное... Что прямо лично с вами случилось.

– Ну, не знаю, – говорит он. – Давно это всё уже было... Ну, про что, например?

– Ну, например, про солдатскую смекалку, – импровизирую я.

– Про солдатскую смекалку?.. А что! – встрепенулся он. – Есть у меня история про солдатскую смекалку!

Я обрадовался:

– Рассказывайте.

– Ну, слушай. Как-то раз пошел немец в наступление, и выбил нас с позиции. Мы отступили, а потом командир роты сделал проверку и обнаружил, что мы в том окопе пулемёт оставили. Говорит: «Если к вечеру пулемёта не будет, весь взвод – под трибунал».

Думали мы думали, что делать... Тут обед начался. И мы отправили нашего пулеметчика в соседний окоп. Те рубают, отвлеклись, он у них пулемёт и спёр. Вот так мы, благодаря солдатской смекалке, и спаслись, от трибунала.

Я сперва записывал, потом почувствовал подвох и спрашиваю:

– Он у немцев пулемёт украл?

– Да почему у немцев?! – веселится ветеран. – У своих же!

– Так теперь же они пойдут под трибунал, – удивляюсь я.

– И правильно! – говорит он. – А нечего клювом щелкать! Бдительность нельзя терять даже когда жрёшь!

Я подумал-подумал и говорю:

– Давайте, я про это все-таки писать не буду?

– А это уже твое дело, – отвечает он. – Моё дело рассказать, а ты уж, там, как сам хочешь...

Ну, и сделал я к празднику Победы интервью про Сталинградскую битву. Про то, как командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский мощными рассекающими ударами.

Чёрт знает, что происходит...

Я уже писал, что когда мы чуть не поженились с Инной Поцелуевой, мы строго настрого решили: до свадьбы – ни-ни. И хоть мы и спали (в буквальном смысле) пару ночей вместе, но зарок блюли строго. А потом помолвку расторгли.

А за несколько лет до этого, живя в Алма-Ате, я познакомился с ребятами из группы «Алмата», показывал им свои песни, и одну они даже сыграли на конкурсе красоты «Алтын Гасыр» (золотая коса). Песню «Не давай мне думать».

Как связаны два этих факта – про «ни-ни» и про песню, сейчас узнаете. Да! Вскоре после моего возвращения в Томск я увидел алма-атинских ребят-музыкантов по телеку уже под названием «А’Студио», они пели песню «Джулия» и сразу прославились.

Так вот. Звонит мне как-то Инна и говорит:

– Юлий, я хочу познакомить тебя с одним интересным человеком, известным музыкантом. Приезжай сегодня в восемь в Академгородок, в гостиницу «Рубин».

О’к. Приехал. Инна меня встретила, повела в какой-то номер. Входим, а там – бас-гитарист «А’Студио» Володя Миклошич. Увидел меня:

– Юлик, привет! – кричит.

Я к нему:

– Володя!

Обнялись.

Инна говорит:

– Черт знает, что происходит. За одного я чуть замуж не вышла, за другого собираюсь, один в Томске, другой в Алмате, а они, оказывается, друг друга знают!

* * *

Вскоре «А’Студио» всем составом перебрались в Москву, Инна перебралась туда же, и они с Володей поженились. Я приехал зачем-то в Москву, позвонил им, но Инна была в отъезде, дома был один Володя, и он позвал меня в гости.

Встретились, за разговорами выпили бутылку коньяку. Пришла пора спать, в квартире – одна, хоть и двуспальная, кровать. Завалились на ней вдвоём.

Утром приехала Инна, открыла дверь ключом, вошла, увидела нас и сказала:

– Черт знает, что происходит. Буркин в этой семье уже со всеми спал.

В подкорке

Недавно, в очередной раз встретившись в Москве с Володей Миклошичем, я рассказал ему следующую историю.

В Томске, в цокольном этаже под магазином «Академкнига» находилась первая в городе пиццерия с непритязательным названием «Пицца». Славилась она не только названным блюдом, но и тем, что хозяйева, не имея лицензии на продажу спиртного, ничуть не возражали против того, чтобы посетители приходили туда «со своим».

Так вот, как-то зимой, почти в тридцатиградусный мороз, мы с одной девушкой отправились туда. И недалеко от входа увидели лежащего в сугробе лицом вниз человека. Учитывая температуру, он в любой момент мог замерзнуть насмерть, если еще не замерз.

Я, наклонился, перевернул его. Из рта у парня шел пар: он дышал. Жив. Надо было его спасти, и лучше это было делать не в одиночку. Забежал в «Пиццу»:

– Ребята, помогите парня в тепло занести, он у входа лежит, замерзнет!

Двое вскочили, двинули за мной. Вышли.

– Это наш, – говорит один. – Напился, бухнул, его из «Пиццы» и выставили. Мы думали, он домой поехал.

Другой говорит:

– Я его адрес знаю. Давайте его вот в эту тачку запихнем, я денег водителю дам, он его домой занесет.

Подбежали к машине: «Шеф, так и так...» Водила говорит: «Не вопрос, доставлю».

Берем парня за ноги, за руки, тащим к машине, пихаем на заднее сиденье. И тут он, не открывая глаз, произносит:

– Бе-ла-я река... – на мелодию популярной тогда песни «А'Студио». (Не путайте с одноименной песней Шевчука.)

И замолкает.

Понимаете? Мороз. Человек лежит в сугробе и замерзает. Еще минут десять-пятнадцать, и он – труп. А в голове у него тем временем крутится: «... Белая река... Дым ушедших дней...»

Выслушав эту историю, Володя сказал:

– Дорогого стоит. Расскажу ребятам. Это, пожалуй, даже большее свидетельство популярности, чем полные Дворцы зрелищ.

Ах, какая женщина...

Есть такие песни, которые я ненавижу всей душой. От которых меня просто физически тошнит. Есть такие в эстраде и в шансоне. Немного, но есть. «Владимирский централ», «Угоню тебя, угоню, ну и что в этом криминального...» (не знаю названия, но меня колбасит). А на верхушке этой пирамиды пошлости стоит песня «Ах, какая женщина»...

А теперь представьте. Год этак 2000-й – 2001-й, сижу я в каком-то летнем кафе, попиваю пиво, стараюсь не обращать внимания на звучащую попсу, но тут заголосило: «Ах, какая женщина, ах, какая женщина, мне бы такую-ую...»

Хотел, было, уйти, но решил пересидеть: поставить такую точку – вечер насмарку.

И тут к моему столику быстро подходит толстая, базарного вида тётка, и говорит запальчиво:

– Мужчина, потанцуйте со мной!

Ладно, думаю, все равно на душе мерзко, буду хотя бы вежливым.

Танцуем. Отвратительная песня, страшная тётка.

Всё из той же вежливости спрашиваю:

– Почему вы меня пригласили?

И она отвечает с вызовом:

– А я так люблю эту песню, что мне вообще наплетать, с кем танцевать...

Спасибо, тётенька, повысила мою самооценку.

Святому – святое

Сегодня окончательно убедился, что мы часто слышим, а возможно и видим, не то, что есть на самом деле, а то, что у нас у самих в голове.

Часто в автобусе я выхожу из задумчивости от того, что кто-то ни с того ни с сего говорит: «Маккартни». Возвращаюсь в реальность и понимаю, что это пассажир, рассчитываясь, сказал кондуктору: «По карте».

Так вот, сегодня я сказал кондуктору: «Маккартни». Он ни капли не удивился и протянул мне терминал.

«Yesterday» согнутая под прямым углом, свисающая со стола

Когда мне было лет двадцать, я купил в магазине виниловый диск-гигант какого-то чешского, вроде бы, оркестра. На обложке был изображён повар в белом колпаке с дирижерскими палочками в руках.

И среди прочих композиций там был изумительный инструментальный кавер «Yesterday». Всякие «Оркестры Поля Мориа» не годились этим чехам и в подмётки. Соло волшебным звуком было исполнено на валторне, в аккомпанементе – арпеджио арфы, а голосовые бэки тянули трехголосьем одно слово: «Ye-e-ste-er-da-ey». Невероятно красиво.

Ну, так вот. Однажды я оставил пластинку без конверта на столе, и она лежала на краю, высовываясь за него. Когда я уходил на занятия, солнце в окно еще не светило. А когда пришел из универа – уже не светило. Однако где-то в середине этого периода оно своё дело сделало: диск расплавился и свисал со стола, согнувшись под прямым углом.

Это было бы печально, если бы не было невероятно смешно. Глядя на эту горемычную пластинку, я хохотал несколько дней. В результате положительных эмоций я от этого получил в разы больше, чем от музыки. Что характеризует меня, наверное, не самым лучшим образом.

Удачные фамилии

На теоретическое отделение Томского музыкального училища несколько лет подряд приходили учиться исключительно девушки. Однако в тот год, когда я поступил на оркестровое отделение училища (класс «фагот»), традиция была нарушена: к теоретикам пришли сразу трое парней.

Все равно, конечно, не слишком много, но троица эта была очень заметной благодаря своим фамилиям. Посудите сами: на отделении несколько десятков юных дев и среди них – Хватов, Матов, Волосатов...

Всё из будущего

Давным-давно на одном из «Росконов» я познакомился с очень приятным и гостеприимным парнем по имени Денис. И он позвал меня и еще несколько человек в свой номер на застолье.

Когда мы пришли к нему, я очень удивился его странной манере разговаривать с женой. Например, он говорил: «Наташа, какого черта твоё пальто из будущего валяется на диване? Убери, людям сесть негде...». Или «Достань-ка из холодильника колбасу из будущего. И нож из будущего прихвати!» «Не, мы твоё вино из будущего пить не будем, мы – коньяк» И т. п.

Только чуть позже я понял, в чем дело. Его женой была Наташа Гусева, та самая, которая в детстве сыграла Алису Селезнёву в фильме «Гостья из будущего». Они были в ссоре, вот Денис её и подкалывал таким образом. А я фильма не видел, вот и не узнал.

Сверчковая атака Кремля

А вот история от того самого Дениса, рассказанная много лет спустя, то есть, совсем недавно.

«У меня ферма по разведению домашнего сверчка, саранчи, тараканов и прочего для поставки в качестве корма для животных, которые содержатся в зоопарках, частных коллекциях и так далее. Как-то моя супруга, которая работает в Московском зоопарке, говорит мне:

– Слушай, а есть ведь еще дикая форма сверчка. Он точно такой же, как домашний по генетике, но живет в природе. Давай наловим. Возиться разводить не надо, а продаваться будут также. Подруга рассказывала, что видела в одном месте, в центре Москвы, на теплотрассе, их навалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.